

ОДНА И ДВѢ,

ИЛИ

ЛЮБОВЬ ПОЭТА.

РОМАНЪ ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. В. Соколовскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1834.

ОДНА И ДВѢ,

ИЛИ

ЛЮБОВЬ ПОЭТА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Декабря 4 дня, 1833 года.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

РОМАНЪ ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

Мѣшай съ своею му-
дростію небольшой при-
емъ глупости.

ГОРАЦІЙ.

ГЛАВА XXXII.

М Е Ч Т Ы

Какое пріятное препровожденіе времени, мой милый другъ, блуждашь по вселенной, шакъ какъ я, и видѣшь въ ней собственными глазами все великое и достойное удивленія!

Виландъ.

Я вамъ сказалъ какъ-шо, что въ Сибири проѣхалъ приспа верспъ съ супки, все равно, что кушпъ калачъ;

но мои два друга носили на себѣ названіе путешественниковъ и попому ѣхали важно, пиho, въ пользу ума и въ увеселеніе очей.

У нихъ было все, что только нужно: и записныя книжки, и книги для справокъ, и справки для будущихъ книгъ.... Запасъ рекомендапельныхъ писемъ и общая Сибирская гостеприимность опворяли для нихъ всѣ двери.... Ни одинъ предметъ, хопя нѣсколько достойный вниманія, не ускользнулъ опъ ихъ похвальной наблюдательности.... Случалось-ли имъ бывать на рудникахъ, и тогда со всѣмъ рвеніемъ къ познанію горнаго дѣла они облачались въ рубашки особаго рода, прицѣпляли спереди къ пеплямъ небольшіе фонарики и попомъ мужественно спускались въ преиспод-

нюю, чтообы только видѣть пайники серебра и злапа, эптѣхъ окаменѣлыхъ Эвридикъ человеческого рода, около копорыхъ хлопчуть запачканныя и задымѣнные Орфеи.

Всякій день прибавлять что-нибудь въ ипогѣ ихъ свѣденій. Тупѣ, напримѣръ, они узнавали, что драгоценный мепаль, какъ будпо желая опдѣлаться опъ людской ненасытности, забился, спряпался въ тяжѣлошпаповую руду, легъ на жеспкую поспелю роговаго камня и вмѣспо одѣяла накинупъ на себя слои глинистаго сланца.... Въ другомъ мѣспѣ они разспрашивали о генеральномъ содержаніи годовой сорпировки рудъ и, убѣждаясь по опыпу, что для полупорыхъ золотниковъ звонкаго и блестящаго вещества, надобно разбивать

съ величайшимъ усиліемъ цѣлый пудъ пвердыхъ камней, — они вмѣспѣ съ Царемъ Израильскимъ оплакивали суепу суепѣ здѣшняго міра.... Спускаясь въ прерпій рудникъ, они были уже какъ дома.... Всѣ шахпы, шпольны, флигель-орпы, квершмаги, шпреки и гезенги — однимъ словомъ, все было имъ извѣспно и обо всемъ они могли бы разсказапъ вамъ по пальцамъ.

Такъ началось ихъ путешеспвіе, но намъ, шо еспѣ моимъ чипапельницамъ, чипапелямъ и мнѣ, намъ нѣптъ никакой нужды надѣвапъ на себя лишнія рубашки, слѣдипъ всѣ ихъ шаги, лазипъ по шахпамъ и изучапъ минералогію.... И Бѣльскій и Смоляновъ, оба они могутъ сами издапъ общія свои замѣчанія подѣ какимъ-нибудь запѣйливымъ названіемъ, съ приложе-

ніемъ венѣпнокъ, карпинокъ, плановъ и карпѣ. Все это будетъ очень любопьшно въ своемъ мѣсптѣ и желающіе, конечно, съ удовольспвіемъ прочпунтъ ихъ насравипельную книгу, а пеперь....

Теперь я перенесу васъ за пятьдесятъ верспѣ въ спорону опѣ Змѣевского рудника въ деревню Багръшпху, или эпну деревню, со всѣмъ ея живописнымъ мѣспположеніемъ, перенесу къ вамъ —

И спанемъ продолжати разсказъ!

Пламенный, громоносный Июль красовался во всемъ своемъ блескѣ на свѣпломъ небѣ южной Сибири.... Упро было великолѣпное.... Въ непроницаемой пѣни гуспаго пальника, пышно раскинупаго по низменнымъ берегамъ *Бѣлой*, на большомъ *Тюмен-*

сколь ковръ, сидѣли два моихъ путешественника въ папирархальной перспективѣ правовъ вмѣстѣ со своими проводниками.... Самоваръ, взятый изъ деревни, которая была въ виду, шумѣлъ очень аппетитно для алчущихъ и жаждущихъ собесѣдниковъ.... Осмѣлныя лошади подпрыгивали въ своихъ пугахъ по необозримой равнинѣ.... Короче, весь оживленный пейзажъ былъ очень милъ и спойлъ трудовъ искусной кисти.

Видъ прекрасной, дѣвственной, пустынной природы, невольно расположилъ Поэта къ психой задумчивости.... Красоты неодушевленные еще яснѣе напомнили ему о живыхъ.... Вся картина крапкой его жизни съ ея произшествіями, всѣ чувства и мысли, все, въ какихъ-то таинственныхъ изображеніяхъ, въ какихъ-то чепкихъ

буквахъ, выпечатлѣлось внятно передъ напряженнымъ его воображеніемъ.

Свѣплымъ, радостнымъ, безплоднымъ духомъ приносилася къ Вольдемару его дивная Лиза... Она раскрывала передъ нимъ свои невинныя объятія; она говорила сладкимъ голосомъ слова любви и неги, она нашептывала ему, покрываясь румянцомъ стыдливости, о первомъ драгоценномъ поцѣлуѣ, о первыхъ упоительныхъ мгновеніяхъ взаимнаго признанія; ея ароматное дыханіе вѣяло какою — по небесною жизнію на его сердце — и оно препенало отъ восторга!... Они не повпоряли другъ передъ другомъ высказанныхъ уже клятвъ: казалось, что слово *не любить* было равно чуждо и незнакомо для обоихъ, и что съ той и другой стороны чув-

ство равнодушія почто также не лья было соединить съ ихъ обыкновенными чувствами, какъ оцепняющій холодъ несущеслованія съ огненнымъ духомъ бытія.

Но памь, гдѣ являлася Лиза, могли не появляться памь ея повпоренный образъ?... Ньпть!... Фанпазія не могла раздѣлить того, что было соединено спрастью сердца — и Раиса, украшенная до послѣдней возможности поэтической прихотливостію, носилась передъ Вольдемаромъ, какъ пѣнь вызванная изъ-за-предѣловъ земнаго волшебствомъ заклинающа.

Она блистала всею полнопою заёмной красоты другаго существа; въ ней опражались пѣ-же милья для сердца черпты; пѣ-же радостныя для взгляда и заманчивыя движенія; она

говорила пѣмъ-же звонкимъ, обворожительноымъ голосомъ, но эпитъ милья черпты не дышали любовью; но эпитъ заманчивыя движенія не напоминали ни чистыхъ объятій, ни жгущихъ поцѣлуевъ; но эпитъ звонкій, обворожительноый голосокъ, не высказывалъ пѣхъ дивныхъ словъ, опъ которыхъ-бы сердце было проникаемо невыразимымъ блаженствомъ, какъ свѣтлая капля воды золотистымъ отблескомъ солнца.

Душа Поэта могла создать восхищительноый образъ, но всему еспъ предѣлъ — и оприцающаый полюсъ духовнаго магнитизма напоминаетъ иногда о себѣ слишкомъ не кспати.

Мечты Вольдемара набросили улыбку на лицо ненагляднаго видѣнія, но

эпа улыбка была холодна: въ ней не сіяло ни опвѣта, ни сочувствія.... Ужасающій признакъ безнадежности самовольно выходилъ изъ какого-то тумана — и слезы, крупныя, горькія слезы наверпывались невольно на глазахъ спрадальца.... Въ смущеніи, въ забытіи, онъ обращался къ Лизѣ и умолялъ ее всѣми возможными мольбами, что-бы она, опражаяся для него въ образѣ Раисы, была и въ эпюмъ послѣднемъ одинаково ласкова къ нему; но Лиза дѣлалась грустнойю и исчезала въ опдаленіи. Поэпъ взглядывалъ въ другую сторону — Раисы не было также, и мечпапель, окруженный пягоспнымъ мракомъ неизвѣспности, одинокъ въ проспранспвѣ и времени, видя передъ собою одну ужасающую бездну неудачъ и спраданій, сидѣлъ — на большомъ Тюменскомъ коврѣ,

подъ непроницаемою пѣнью гуспаго пальника и прихлебывалъ по немножку изъ огромнаго спакана душиспій цвѣпочный чай....

Что-бы понять изображеніе какой-нибудь спраспи, надобно прежде самому быть ея игрушкою.

Гельвецій.

ГЛАВА XXXIII.

ДРУЖЕСКОЕ ИЗЛІЯНІЕ.

Разговоръ.

Что это ты спряпалъ подъ шинель?

Человѣкъ безъ шинели.

Да я за тѣмъ и спряпалъ, что-бы ты не видалъ.

Человѣкъ въ шинели.

— » О чемъ это вы такъ задумались, мой дорогой Владиміръ Николаевичъ? « сказалъ Бѣльскій въ полголоса,

пожимая у Смолянова пу руку, копорая была на свободѣ.

— » Кто?... Я о чемъ задумался? «

— » Да, вы мой безцѣнный поварищъ, вы!... Впрочемъ, за чѣмъ - же мнѣ допытываться, когда я самъ знаю все очень хорошо? «

— » Вы знаете все очень хорошо?... Ужъ полно такъ-ли, Василій Пепровичъ? «

— » Ахъ, Царь ты мой Небесный! да какъ-же иначе?... Вопль, когда Богъ дастъ, мы воропимся съ вами домой, такъ вы пожалуй себя спросите холь у Ивана Дмитриевича, и онъ вѣрно скажетъ вамъ по-же самое, что мы съ нимъ давно разгадали всѣ ваши сердечныя дѣлишки.... «

— » Послушайте!... Одно названіе моихъ священныхъ чувствъ *сердечны-*

ми дѣлишками хорошо показывается, что вы не знаете ничего, вместе и съ вашимъ Иваномъ Дмитриевичемъ. «

— » Ну, вошь, вы ужъ и сердитесь!... Я говорилъ шутя, да и по-настоящему кое о чемъ по мелочи.... Напримеръ мнѣ показалось, что вы опять нечего дѣлая вздумали теперь вспомнить о средней дочери спарика Беннина.... Не знаю, какъ для васъ, а на мои глаза это чрезвычайно аппетитная дѣвочка... «

— » Нѣтъ, Василій Пепровичъ! вѣрно вы вспали сегодня съ поспелой лѣвою ногой!... Сердитесь на меня или не сердитесь, но я вамъ скажу прямо, что такія выраженія удивительно страшны.... Воля ваша!... Я никакъ не могу надвинуться, какъ пришло вамъ въ голову, эпаго ангела,

эту прелестную Раису, называя грязнымъ именемъ *аппетитной дѣвочки*, и попомъ, какъ будто говорите о ней, значитъ говорите кое о чемъ по мелочи? «

— » Виновать, любезный Владиміръ Николаевичъ, виновать!... Мнѣ не приходило и въ голову, что это заденетъ васъ за такую живую спруну.... Я, право, думалъ, что Раиса Яковлевна есть лицо, совершенно для васъ поспорнее.... Да и кто-жъ бы вообразилъ, что послѣ Елизаветы Егоровны... «

— » Напропивъ!... напропивъ!... напропивъ!... милоспивый государь!... Она-то прежде всѣхъ и бросится въ глаза послѣ Елизаветы Егоровны!... Однакожъ это вовсе не доказываетъ, чтобы я былъ влюбленъ въ Беннину,

и вамъ никакъ не лѣзя хвастать, чпо вы поймали меня на словѣ. «

— » Да помилуйте, Владиміръ Николаевичъ!... Какое-же шупъ хвастовство?... И сподитъ-ли эпа провинціалка, чпо-бы въ нее вамъ влюбиться? «

— » Ахъ, Боже мой! какъ вы сегодня досадны!... Понимаете-ли вы, чпо она сподитъ эпаго, можетъ быть, больше всѣхъ на свѣтѣ, исключая одной Лизы? «

— » Да чпо-жъ я наконецъ за пакой пошлый дуракъ, чпо-бы не понять эпаго, мой несравненный другъ? «

— » И за всѣмъ пѣмъ, не смотря на подобную увѣренность опноспельно доспонсивъ Раньки, вы, я думаю, все-таки не можете видѣть шупъ ни на волосъ моей любви? «

— » Ужъ разумеется!... Какая шупъ

любовь и кпо ее увидитъ?... Я, благодаря Создаателя, не огмуфлъ еще до пакой степени, чпобы мнѣ выдумать небыллицы... Но дайте-же вашу руку, да не огорчайтеся на меня, ради Бога... Въдь у меня, право, если иногда и сорвется съ языка чпо-нибудь, такъ ужъ конечно спроспа... О! я далеко не пакой масперъ обдѣлывать свои дѣла, какъ вы! «

— » Да!... Кспали напомнили вы мнѣ объ эпѣхъ дѣлахъ!... Во всю нашу дорогу опъ Б..... и до эпаго мѣспа, я безпреспанно ломалъ голову, чпо за каналья, чпо за низкая душѣнка, вмѣшался въ мою памощную инпригу?... Скажите мнѣ на милость, кпо поперхнулся ею?... у кого она съла бѣльмомъ на зависпливомъ глазу?... Признаюсь вамъ, чпо всѣ мои предположенія и догадки не привели

меня рѣшительно ни къ чему.... Я сполько-же знаю пеперь, какъ и тогда, когда поварской ножикъ такъ ласково поцѣловался съ моимъ бокомъ. «

— « Ахъ, Владиміръ Николаевичъ! говорите пожалуйста попише; остерегайтесь эпихъ людей: они воптъ, кажутся, и опошли, и ловяптъ нашихъ верховыхъ, а спросите по совѣсти, такъ вѣрно не пророняптъ ни одного слова. «

— » Все это очень хорошо, почтенный Василій Пепровичъ, да не опомъ пеперь рѣчь (продолжать Вольдемаръ понижая голосъ.).... Скажи пепка лучше мнѣ, не напали-ли вы на какой-нибудь слѣдъ? «

— » Воптъ по-по и плохо, что не напали!... Бьюся, бьюся, и никакъ не

приложу ума!... Впрочемъ, если можно, такъ и не говори пеп мнѣ объ эпномъ. И по сію пору не могу вспомнить безъ ужаса, какъ я чупть-чуптъ было не умеръ оптъ спраха, боясь за вашу жизнь. «

— » Да! когда вы подумали, что я пришелъ васъ зарѣзать! «

— » Но вѣдь вы не знаете настоящей-то причины моего испуга?... Повѣри пепе-ли, когда я увидѣлъ вашу пеперевязку и кровь на вашемъ бѣльѣ, — морозъ такъ и подралъ меня по кожѣ въ шу-же мину пупу.... Объ себѣ я и не думалъ! Мнѣ попчасъ предспавилось, что вы, можете быть, не чувспвуете боли только сгоряча и что между птѣмъ ваша рана очень опасна.... Воптъ оптъ чего я вспереполошилсѣ. «

— » Благодарю васъ опть души, мой добрый Василій Пепровичь!... Однако-жь, не ужели вы думаепе въ самомъ дѣлѣ, чпо всѣ концы послѣднихъ плупней навсегда спряпаны въ воду и чпо мы съ вами не узнаемъ эпаго мерзавца, или эпой мерзавки, копорымъ угодно было вмѣшанься не въ свое дѣло? «

— » Да!... Я почти совершенно увѣренъ, чпо намъ не удастся узнать бездѣльниковъ.... Вѣдь эпи люди, мой несравненный Владиміръ Николаевичъ, совсѣмъ не по, чпо мы съ вами.... Они за пѣмъ и скрываютъ свои пакоспи, чпо-бы ихъ никпо не узналъ; слѣдсивенно эпо дѣлаепся съ большою оспорожноспію, съ нѣкоторою наепкою, съ особеннымъ искусствомъ.... Но спопитъ-ли хлопопань

изъ пакихъ пуспяковъ?... Поблагодарипе-ка лучше Всемогущаго и Милосерднаго Бога за спасеніе вашей жизни и плюньпе на всѣ эпѣ дрязги.... Мало-ли чпо случается въ свѣтѣ: на все не насердицца, на всякое чиханіе не наздравспвуешья.... Скажу вамъ безъ леспи, чпо вы очень умны и очень добры, но все-таки вы очень молоды, мой любезный Владиміръ Николаевичъ; спало бытъ вамъ нѣтъ никакой возможности, какъ и всякому другому чеспному чловѣку, избѣжаль опть разныхъ плупней людей безосвѣспныхъ и низкихъ, копорыми угодно благому Провидѣнію наказывать насъ за наши грѣхи!... И припомъ, не ужели вы хопипе узнать виновапаго за пѣмъ полько, чпобы опмспипъ ему?... Не лучше - ли пренебречь, нежели связыванься съ

эпою дрянью.... А? какъ вы думаете?
«

— » Точно!... точно Василий Пепровичь! я согласенъ съ вами! (воскликнулъ развеселившійся Поэтъ, проворно вскакивая съ ковра); вы масперски умѣете утѣшать своихъ друзей — и вопь вамъ самый горячій поцѣлуй за вашъ добрый совѣтъ!... Не оспрамлю себя мщеніемъ!... Къ чорпу всѣ мерзавцы и безсовѣстные негодяи! «

— » Bravo! bravo! любезный Владимиръ Николаевичь!... Къ чорпу всѣ мерзавцы и безсовѣстные негодяи! «

— « Милый Бѣльскій!... Поцѣлуемся еще разъ. «

— » Хопъ тысячу! «

— » Эй! народъ!... публика!... Снаряжайся въ два мига: живо! проворно!... Винповки за плечи! на коней!... Пере»

довый впередь!... Въ походъ!... Маршъ, маршъ! «

И презанимательная кавалькада понеслася по полю.

По моему, ничто не можетъ сравниться съ истиннымъ другомъ.

Гораций.

ГЛАВА XXXIV.

ТИГИРЕЦКАЯ ДОЛИНА.

Когда я разсматриваю все сія чудеса, моя грудь возвышается, мои мысли пѣсняютъ одна другую; но я не могу ихъ развернуть: я плачу, я падаю изнеможенный и въ моемъ лепетѣ выражается изумленіе къ Предвѣчному!

Гесснеръ.

— » Осаживай!« закричалъ вожацкій, проскакавъ во весь духъ версты двѣ съ половиною, и вдругъ круто пове-

рнуть на лѣво, прямо въ рѣку.... Всадники сползлились около него и закинули свои ноги на спины лошадей, попому что *Бьяла*, чрезъ копорую переѣзжаютъ обыкновенно въ бродѣ, была довольно глубока въ то время.

И я по-же оспановлюсь здѣсь на одну минуточку: мнѣ очень хочется угорвориться коѣ о чемъ съ моими чшпанцелями.... Въ послѣдствіи, когда кончилися все старья испоріи и начались новья, для того, что-бы имъ также кончиться въ свою очередь, Вольдемаръ разсказывалъ мнѣ очень часно объ эпомѣ пунешествіи и всегда съ одинакимъ воспоргомъ. Онъ говорилъ, что никогда не забудеть пошь день, въ копорый онъ въ первый разъ увидѣлъ величественныя красоны Ампая.... Бывало при всякомъ воспоминаніи, при всякомъ раз-

говоръ о хорошемъ мѣстоположеніи, онъ непременно вклепалъ какъ-нибудь описаніе своей ненаглядной *Тигирецкой долины*, такъ что наконецъ я нехотя выучилъ все наизусть.

Теперь, какъ испорнику моего родственника, мнѣ кажется, что я согрѣшилъ-бы весьма тяжко, если-бы, имѣя возможность и случай, не повпорилъ его рассказовъ объ *Алпайскихъ диковинкахъ*.... Къ чему - же брать на себя лишній грѣхъ, особенно на спароспи льпъ, хотя впрочемъ подчасъ моя *Напалья Наколаевна* и не находилъ меня еще очень спарымъ, по какой-то весьма основательной причинѣ!

Такъ, милоспимыя государини!... Это повпореніе есть мой долгъ; но, къ несчастью, я очень хорошо знаю,

что многіе вовсе не любятъ описаній такого рода, и потому - по меня беречь смѣлюсь предложивъ всемъ подобнымъ нелюбительницамъ или небольшую прогулку, или что-нибудь другое пошпереситѣ, а вѣдь вамъ должно-же быть извѣстно, что и въ самое коротенькое время можно сдѣлать такое дѣло, которое завяжется на долго.... Между нѣмъ я займусь съ оспальными, если только у меня будутъ оспальныя, и когда кончу, тогда прегромко и во всеуслышаніе закричу: *пора!*... Споприсе-же, чуръ быть на виду, или по крайней мѣрѣ на такой благородной дистанціи, что-бы можно было доклинкаться....

Ну, господа, мы закинули ноги, а дамы?... Дамы могутъ съестъ себя преспокойно въ эту воздушную колесницу, въ которую безъ всякой жени-

ровки могут помѣшиться цѣля женераціи. У эпои колесницы (копору доспаль я по случаю изъ цейгауза воображенія) глухое дно, и наши красавицы понесутся у насъ надъ головами безъ всякой видимой опасности.

Переправившись черезъ *Блую*, вы попчасть — же въѣдете въ длинное ущелье, которое пнянется на принацать или на чепьрнадцать верстъ и должны будете пробираться пихонько пропивъ печенія быспрой, шумящей, серебряной *Ускутѣвки*, маленькой, вершлявой рѣчки, извивающей между горъ всѣми возможными зигзаками... Ради Бога, будте оспорожиѣ! Видите — ли вы, какъ гуспо сплелася эпа акація съ черемухой и эпа береза съ палыникомъ и осиною?... Наклоняйтесь безпреспанно, иначе

въпыви разцаранаютъ ваше лицо. Сморщите какъ можно чаще подъ ноги своей лошади: конечно, она привычна и цѣпка, но эпи сорокъ шесть бродовъ одной и пой-же *Ускутѣвки*, которые вы должны перебрестъ въ ущельи, быспры до невѣрояпности, а эпи *кругляки* богатѣйшихъ разноцвѣпныхъ яшмъ, которые съ такимъ грохотомъ капятся по дну, — они очень скользки и — того и гляди, что ваша лошадь обступится... Совѣпую же вамъ держаться какъ можно крѣпче въ сѣдлѣ: не по вы окунешесь ни за понохъ шабаку.

Вопъ небольшая площадка: остановимся на ней и отдохнемъ немного... Здѣсь, чуть-чуть впереди насъ, пнянутся справа и слева по крупнымъ обрывамъ горъ нѣсколько бѣленькихъ поло-

сокъ... Вы ошибаетесь, если вы думаете, что это лежатъ тонкіе слои вѣчнаго или запоздалаго снѣга: передъ вами, разбившись въ брызги и въ бѣлую пѣну, падаютъ опшуда и опсюда двѣнадцать ручьевъ, и почти въ одномъ мѣстѣ сливаются въ *Ускугѣвклъ*... Не правда-ли, чрезвычайно жаль, что въ эту пѣснопу не заглядываетъ красное солнышко? Ужъ какъ-бы оно роскошно поиграло своими золотыми лучами съ эпѣми падающими водяными глыбами!... Какими-бы цвѣтными дорогими камнями не осыпало оно закраиы эпихъ великолѣпныхъ ключей!... А нравился-ли вамъ эпна плѣнительная смѣсь шума водопадовъ, журчанья и плеска *Ускугѣвки*, грохота яшмъ, копорья несущя въ *Блгую*, шелеста листвевъ, наконецъ пѣнія, свиста и щелканья пшницъ?... Какой ус-

ладительный концертъ дикой, младенческой природы!... Все внимаетъ ему!... Но вы раскрыли ваши уста, вы воскликнули — и эхо, слыша власнительный голосъ чловѣка, вспрепенулось опъ своего усыпленія и опвѣпило вамъ громкими поржественными раскатами... Ага!... Вы гордитесь!... Вы пріосанились!... Улыбка самодовольствія и мысль о собственномъ достоинствѣ скользятъ по вашему лицу.... Надобно пользоваться минуною счастливаго расположенія вашего духа; надобно поспавить васъ въ невозможность опказаться опъ небольшого риска.

Видите-ли вы эпну глубокую, каменную прещину въ аршинъ ширины? Видите-ли эпощъ великолѣпный сполбъ брызговъ, копорый па-

даешь пуда съ ужаснымъ шумомъ? —
 Вопль ваша дорога: иначе вы не про-
 ъдете впередъ.... Не подавайтесь-же
 назадъ, когда вы были такъ горды за
 минутой: держитесь ближе къ утесу
 и не думайте объ опасности.... При-
 гнитесь немножко къ шеѣ вашей ло-
 шадѣ и когда я скажу *три*, тогда
 дайте ей хорошенькія шпоры и дѣло
 будетъ въ шляпѣ.... Гоповы-ли вы? ...
 Теперь слушайте!... Р... а-а-зъ.... Дв-
 а-а.... *Три!*... Ну вопль видите-ли! вы
 ужъ и на другой сторонѣ; вы цѣлы
 и невредимы.... Конечно, васъ обдало
 какъ изъ ведра, но чпо-жъ это за
 важность?.... Богъ вымочитъ, Богъ и
 высушитъ!

Намъ оспаеся только при вер-
 сты до конца ущелья: плушь будетъ
 немного по проспоритѣ и мы можемъ
 ѣхать маленькою рысью....

Взгляните - же, какъ внезапно, за-
 эпимъ крупнымъ поворотомъ, раздви-
 нулись совершенно въ пропавшія
 спороны тѣ горы, между которыми
 вы сейчасъ пробирались.... Порадуйт-
 ься: это ворота *Тигирецкой доли-*
ны.

Полдень!... Но свѣжесть горного
 воздуха ослабляетъ поминельность
 Юльскаго жара.... Не разглядывайте
 опдѣльно всѣхъ частей эпои ослѣ-
 пительной карпины, эпого необъяп-
 наго, исполинскаго храма, надъ кото-
 рымъ Всемогущая рука накинута съ
 плакою роскошью эпои горящій,
 прозрачно - лазоревый, легкій ку-
 полъ.... Созерцайте, если можете, всю
 величественность цѣлаго — и благо-
 говѣйте!...

Слѣшимся и взберемся на эту кру-
 пную *сопху* (1), сядемъ на груду ка-

мней, какъ на развалины обелиска, простоявшаго, можетъ быть, цѣлыя тысячелѣтїя, и окинемъ нашимъ взоромъ всю проспранную долину съ западной ея спороны, которая также, какъ и прочїя, замкнута высокими горами.. Слева опть насъ и прямо передъ нами, по еспь на сѣверъ и на востокъ, плануся пѣ-же гигантскїя возвышенности... Дремучїя лѣса величественно увѣнчиваютъ ихъ вершины; по быспрьемъ скапамъ ярко пестрѣютъ цвѣточныя узоры... Все прелесно!... И молодыя рошцы, и одинокіе сполѣпніе кедры, кое-гдѣ разсѣянныя, и мрачная полоса нагорнаго лѣса, которая такъ рѣзко отдѣляетъ богатые лѣпніе ковры земли опть воздушной шкани небесной... все прелесно!... Но посмотрипте на югъ!

Вопть гдѣ алтарь разверстаго передъ вами храма!... Вопть гдѣ природа употребила всю свою силу, чпобы проявить всю свою красоту!... Вопть при цѣпи горъ, которыя видѣютъ одна изъ-за-другой, какъ при необъяпные усгупа великолѣпнѣйшаго амтеатра! Нижняя ступень также юнѣетъ свѣжею зеленью, также роскошно убрана цвѣтами, какъ и другїя горы, окружающїя долину; но пемные лѣса не шумятъ, не колѣшуютъ своими вѣпьями на гладкой ея вершинѣ.

Въ мрачной, но пышной одеждѣ вѣковаго бора, выходятъ изъ-за-нее вторыи усгупъ, какъ будто древняя поросшая мхами спѣна какого-нибудь крѣпкаго и величественнаго замка.... Посмотрипте какъ эппи гуспыя облака покояпся на черномъ хребтѣ эпаго усгупа.... Но что-же далѣе, за

симъ покрываломъ, которое сопкало-ся изъ душистыхъ испареній долины и пакъ небрежно накинумося по мѣстамъ на тѣмную полосу недпроходимыхъ лѣсовъ?...

Далѣ блестящія, вѣчныя, неподвижныя волны снѣжныхъ и льди-стыхъ алмазовъ.... Какое ослѣпи-тельное опраженіе свѣта!... Какой драгоценный вѣнецъ!... И только дер-зость и любовныпесиво челоуѣка ос-мѣливаюпся попирапть его иногда сво-ими ногами!

Наконецъ , на одной изъ самыхъ высочайшихъ вершинъ, на глыбахъ запердѣвшаго снѣга, лежипть огром-ный рогатый *Левъ* (2), который, мо-жетъ быпть, опъ начала временъ спе-режетъ эту прелеспную долину.

Пяпъ свѣплыхъ, шумящихъ рѣчекъ (3) извиваюпся передъ вашими глаза-

ми въ самыхъ разнообразныхъ напра-вленіяхъ.... Прибавьте ко всему эпо-му прекрасную деревеньку; бѣлющій лагерь казаковъ, живописно раскину-тый по берегамъ Тигирека; прибавь-те богатыя пашни, красующіяся кое-гдѣ по скапамъ, и эптъ маленькія, зе-леныя, пирамидальныя сопки съ камени-стыми оконечностями, пакъ кспапи и хорошо размѣченныя по всему про-спранспву; оживите все эпо пасу-щимся пабуномъ и спадомъ — и вы не налюбуетесь сею дивною карпи-ною!...

— » Пора! милоспивыя государы-ни, пора!... Я кончилъ описаніе!...

— » Ну что, мой любезный Васи-лій Пепровичъ (сказалъ напоследокъ Вольдемаръ, когда глаза его упоми-лись уже опъ разспаприванія кра-

сопъ), — не правда-ли, что подобныя вещи могутъ вознаграждать за небольшую ломоту въ поясницѣ, копорую вы чувствовали дорогой? «

— » Седьмерично и спокрапно, дорогой мой Владиміръ Николаевичъ!... Божусь и клянусь, какъ честный и благородный человекъ , что если-бы Иванъ Димитріевичъ былъ съ нами, то и онъ - бы навѣрно сказалъ вамъ точно по-же!... Впрочемъ, хоть мнѣ теперь и очень покойно, а знаете, не лучше-ли будетъ послать намъ въ деревню за тѣлегой, не для чего иного прочаго такого, какъ единственно для разнообразія? «

Опустивъ эту любимую свою оспроту, Бѣльскій ослабилъ физиономію и, сдерживая лошадь, наспорожилъ уши для благопріятнаго отвѣта.

— » И!... полноше!... Какъ вамъ не грѣхъ!... Видите-ли, что деревня у насъ подъ носомъ. «

— » Да! знаю я это подъ носомъ!... Развѣ вы забыли, какъ мы славно обманулись съ вами, проѣхавъ шесть верстъ отъ Кольванской шифовальни?... Вѣдь, кажется, пащились тогда около самаго *Благо* озера; путь-же близехонько шорчала и *Синюха*... Мы взглянули на воду, да и подняли споръ: вы спали увѣряя, что плаваетъ утка, я говорилъ что гусь, а ящикъ располковалъ, что это лодка съ двумя рыбаками... Подише-жъ послѣ этого, вѣрыше глазамъ!... Съ виду оспавалось мало-мало разбѣжались, да и соскокнупъ въ воду, а на самомъ-то дѣлѣ ѣхали, ѣхали, насилу доѣхали! (4)... Вопъ посмотрише, и здѣсь будетъ по-же!...

Впрочемъ для меня все равно, попому чпо я не уснуть ни сколько.»

— » Нѣтъ, Василий Пепровичъ, здѣсь большая разница!... Здѣсь все показывается въ наспоющемъ видѣ, безъ уменьшенія, а памь, Богъ знаетъ опъ чего, пакъ сильно приближаетъ дальнє предметы. «

— » Хорошо, хорошо! полкуйте себя! а мы еще напляшемся до объда. «

Однакожь спрахъ разбипаго Бѣльскаго былъ напрасенъ: черезъ полчаса варилась уже для нихъ уха изъ свѣжей рыбы... Вольдемаръ усѣлся дѣлать опмѣтки въ своей записной книжкѣ, а поварищъ его лежалъ неподвижно на хозяйской кровати, увѣряя, чпо онъ спарается вспомнить и сообразить всѣ малѣйшя подробности

ихъ путешествія, чпобы попомъ описать все вдругъ и самымъ вѣрнымъ образомъ.

Какъ-бы то ни было, только одинъ изъ двухъ безпреспанно опъ чего-по *ошалъ*, другой поминупно *ошалъ* и въ эпѣхъ импересныхъ заняпяхъ прошло у нихъ все время опъ объда и до вечера.... Ужинъ былъ раннє и часу въ девяпомя въ исходѣ оба путешествивника, упомянные верховой ѣздой, заснули самымъ крѣпчайшимъ спомъ, распорядившись напередъ, чпобы лошади были гоповы съ восходомъ солнца... Имъ предстоялъ еще одинъ и гораздо труднѣйшєй подвигъ: взобраться на вершину *Сторожеваго Льва*.

Много трудовъ внесли они на слѣдующее утро, начиная съ того, какъ

ихъ обонхъ посадили въ сѣдлы и какъ пономъ сняли еле живыхъ съ измученныхъ лошадей.

Я не спану пересказывать вамъ ни объ ихъ спраданіяхъ и мукахъ оныхъ ужасныхъ безпокойствъ и опасностей, ни о наслажденіяхъ карпвинными видами: все это, при вашемъ наспоющемъ знаніи *Тигирецкой долины*, будетъ слишкомъ общими мѣстами, чпобы сполню распространяться объ нихъ въ особености... Одинъ только объѣдъ моихъ путешественниковъ въ шельныхъ вапочныхъ шинеляхъ на холодной спинѣ почпеннаго *Льва*, заслуживаетъ конечно особенное вниманіе читателей.

Надъ ними было вѣчно-безоблачное небо; внизу чернѣло море тучь; коегдѣ блестящія, снѣжныя *Бѣлки* смѣ-

ло и гордо прорѣзывались своими главами сквозь эту мглу и сіяли оупь солнца, какъ будто очарованные оспрова съ кристальными черпками какихъ нибудь волшебницъ... Громъ гремѣлъ въ глубинѣ; молній не было видно.

Все это, милоспивья государыни, сбиваетъ немножко на Олимпъ, въ кошоромъ, конечно, не доспавало полнаго комплекта боговъ, но гдѣ поэзія и плуповство наши-бы себѣ покровителей.

За исключіемъ воздушнаго объѣда, все оспальное такъ проспю, какъ не лѣзя больше... Въѣхали высоко, съѣхали съ высока — и пѣмъ кончился весь балъ!... Къ тому-же и Вольдемаръ и Бѣльскій, почти споччасъ-же по возвращеніи въ деревню, и сами забыли о всѣхъ своихъ погоданныхъ впечатленияхъ.

плѣнїяхъ, по крайней мѣрѣ на весь ospaпoкъ дня, попому что Василій Пепровичъ, добравшись до кровати, легъ пласпомъ и захрапѣлъ во всю Ивановскую, а Смоляновъ получилъ цѣлыхъ при письма... Родные знали чѣмъ угодишь и послали нарочнаго.

Можетъ быть эти письма сдѣлаютъ чрезвычайно важные перевороты въ душѣ Поэпа, но напередъ говорю....

Не требуйте отъ молодого
человѣка сипепенности спарика.

Шевиньяръ-де-ля-Паллю.

ГЛАВА XXXV.

ВЪ ДНАЯ ДИВА!

Хотя они не говорили ничего, кромѣ бездѣлицъ, но эти прелестныя бездѣлицы имѣютъ такую высокую цѣну въ устахъ тѣхъ, которые любятъ другъ друга!

Изъ новаго Авеларда.

Спустишься съ Олимпа и найди на
землѣ при письма, это, господа, во-
все нешупочное дѣло!... Тутъ не-

Одна и двѣ. Ч. III.

премѣнно надобно уединеніе—и Вольдемаръ опправился на цвѣтиспытый берегъ веселаго *Юныша*, съѣлъ на праву и спалъ разматривая пакеты.

Вопль эпопъ, который прежде всѣхъ попался ему на глаза, подписанъ слишкомъ инпересно, что-бы распечатать его не подумавши.... Почеркъ незнакомый и чупь-ли, кажется, не женскій.... Большая гербовая печать, вѣроятно, въ шороняхъ приложенная бокомъ, также незнакома ему, и своимъ несчастнымъ оппечаткомъ подпверждаетъ первую догадку: рука, которая владела ею, непривыкла еще дѣлать хрупкіе опписки геральдическихъ знаковъ нашего хрупкаго, мелочнаго пицеславія.... Это письмо вообще очень любовыпно и его надобно прочесть первымъ.

За нимъ слѣдуетъ поненькое письмоце.... Позвольте!... Позвольте!... Дай Богъ памяпи!... Чья бишь эпо рука?... Да!... почно!... эпо рука Ивана Дмипріевича Арскаго; но опъ чего-жъ такая непвердость почерка и что-бы значила эта черная печать?... О!... эпо письмо непременно надобно прочесть впорымъ, попому что тупъ что-по кроется....

Наконецъ преній пакетъ опъ сепры Любиньки.... Оно распечатается послѣ всѣхъ: вѣдъ надобно—же оспавить что-нибудь и на закусочку!

Опложивъ два послѣднія письма, Поэпъ взялъ первое: печать разломана и разорванный конвертъ оппешель въ спорону.... Въ рукахъ его очупилась небольшая записочка и еще одно письмо, запечатанное облаткой.... Прочтемъ напередъ записку....

» Милоспивый Государь

» Владиміръ Николаевичъ!

» Я не имѣю удовольствія знать васъ и опть того еще болѣе убѣждена, что дѣлаю худо, опсылая къ вамъ опть немногія спроки; но подобное нарушение моего долга еспь первая и, можепъ быпъ, послѣдняя жерпва дружбѣ... Лизанька Буклина, которую я люблю больше всѣхъ на свѣтѣ послѣ моей маминьки, умоляла меня въ послѣднемъ своемъ письмѣ всѣми мольбами, чтобы я узнала опть Доклора Зорова вашъ адресъ и переслала къ вамъ то, что при семъ прилагаепся... Просьбы бѣдной моей подруги были такъ неопспушны, что я, какъ видите, исполняю ихъ. Вы конечно догадаепесь, что все это сдѣлано

мною тайно опть всѣхъ, и потому мнѣ позволительно требовапъ того же и съ вашей стороны... Одна только пвердая увѣренность, что вы оцѣните побудительную причину моего поступка и будете дѣйствоватъ какъ слѣдуетъ благородному человеку, позволила мнѣ рѣшиться написатъ къ вамъ... Не обманите же моихъ надеждъ—и не опвѣчайте мнѣ. «

» Уважающая васъ

» ВАРВАРА ЛАЖИНА. «

— » Прелеспная, добрая, рѣдкая дѣвушка!... « подумалъ Вольдемаръ прочитавши эту записку.—» Какое самоопверженіе!... Какая примѣрная дружба!... Мнѣ кажется, что я непременно полюбилъ-бы ее съ перваго сви-

данія... О! будь увѣрена, что шайна моего письма умреть вмѣстѣ со мною! «

Какимъ-же образомъ узналъ я и попомъ рассказываю это всѣмъ? спрашивать меня любознательные.... Тутъ есть большая разница.... Во первыхъ, я не давалъ слова молчать; во вторыхъ, почему вамъ знать, можетъ быть даже я имѣю позволеніе говорить сколько угодно моей душѣ, и въ прензнихъ, не ужели вамъ неизвѣстно, господи, что одно и тоже обстоятельство бываетъ иногда дѣломъ важнымъ, пребывающимъ шайны, а въ другое время спановится предметомъ собственныхъ-же нашихъ шутокъ и служить пищею дружескихъ разговоровъ и веселыхъ воспоминаній.... Особенно и чаще всего это случается съ романтической любовью.... Впрочемъ, если я

знаю и говорю, такъ это значить, что я знаю и могу говорить, потому что и у меня въ свою мѣру доспало-бы молчаливости, если-бы на это *воспослѣдовало* какое-нибудь *требованіе*, какъ любилъ иногда выражаться знаменитый казуистъ Бѣльскій.

Давши такимъ образомъ самому себѣ честное слово быть скромнымъ, Вольдемаръ положилъ въ карманъ записочку Варвары Александровны Лажинной и попомъ съ невольнымъ пренепомъ взялся за письмо своей хорошенькой Лизаньки.... Полюбопытствуемъ-же, какъ нишуртъ инья влюбленные бронепочки.

» Добрый, миленькой мой братецъ!

» Это ужъ пятое письмо къ тебѣ, которое я начинаю сегодня. Изъ пер-

вѣхъ чепырехъ не годилось ни одно: все что-нибудь да не такъ, все какъ-то не нравится: или почти ничего не выражаетъ, или слишкомъ печально, а мнѣ вовсе не хочется огорчать своего добраго сердца.... И здѣсь ты увидишь, что я не умѣю писать толково: я рассказываю все безъ порядка, что взбредетъ мнѣ въ голову; да вѣдь ты, мой миленькій, не будешь смѣяться надо мною.... Не правда-ли?... Я очень, очень тебя люблю; мнѣ хочется только поговорить съ тобой; хочется передать что у меня на сердцѣ, а ужъ гдѣ мнѣ заниматься вашимъ краснорѣчьемъ?... Буду писать какъ ни попадетъ, только смотри, не разлюбилъ-ли ты меня?... Тогда пожалуйста не дочитывай моего письма, а не то, если я узнаю, мнѣ будетъ спраться какъ совѣстно.... Я ум-

ру опять спыда.... Да-нѣтъ!... Вѣрно мой дружечикъ не разлюбилъ своей сеспрѣночки: мнѣ - бы пошчасъ сказала объ этомъ сердечная по-ска.... «

» Ахъ! если-бы ты увидѣлъ меня теперь!... Ты-бы никакъ не узналъ своей прежней, Пепербургской Лизаньки.... Я стала такая блѣдная, что боюсь глядѣться въ зеркало, а бывалаго смѣха нѣтъ и въ поминѣ.... Я очень хорошо вижу, что это убиваетъ мою голубушку маминьку, да поуди самъ, чтожъ мнѣ бѣдной дѣлать?... Ты вѣдь знаешь, что я не умѣю припворяться: я и принуждаю себя, только вѣрно все не впадетъ, иначе и она-бы стала хопъ немножко повеселѣе. «

» Да! кспати о припворствѣ! Я

разскажу тебѣ объ одной моей по-
пыпкѣ.»

» Недавно маминька была именинни-
ца: воптъ я и вспала себѣ по раньше,
умылась, выслала за чѣмъ-то дѣвуш-
ку, да и въ комодъ.... Опыскала шамъ
свой ящичекъ съ красками, взяла ку-
сочикъ кармина — и чупъ-чупъ под-
румянилась.... Миѣ хопѣлось, чпо-бы
свѣжеспъ моего лица порадовала ма-
миньку, и чпо-бы она хопъ въ
эпоптъ день была не пакъ задумчива,
какъ обыкновенно.... Ну воптъ и хо-
рошо!... Воптъ вспала и маминька....
Воптъ я и опнесла къ ней свой пода-
рочекъ, пригопов.ленный полпихоньку....
Смопрю — она спала вглядывапсь
въ меня, да пакъ приспально, чпо у
бѣдненькой пвоей сеспреночки со-
всѣмъ было замерло сердце.... Воптъ
узнаептъ!... воптъ увидиптъ!... думала

я... Только нѣптъ, слава Богу! она
обманулась и поздравила меня съ хо-
рошимъ румянцомъ.»

» Эпо уптъшило меня до пакой
спепени, чпо я и въ самомъ дѣлѣ
развеселилась не на шупку.... Такъ
прошло упро, и обѣдъ, и время по-
слѣ обѣда, часу до шеспаго.... Миѣ
для полного счаспїя не доспавало
полько тебя.»

» Туптъ мы пошли однѣ въ садъ, по-
пому чпо никпо изъ сосѣдей не былъ
званъ и спало быптъ госпей не бы-
ло.»

» Воптъ мы и начали прохаживапсь
по аллеямъ, и когда зашли далеко,
погда вдругъ на мою бѣду полился
спрапный дождикъ. Маминька была
въ салонѣ, я въ одномъ плапьицѣ, и
попому она подозвала меня и обняв-

ши закрыла отъ дождя одною полонь, пакъ что ея рука прищлась прямо на мое лицо, на которое уже попало нѣсколько капель. «

» Туча была маленькая и дождь прошелъ скоро: насъ почпи и не замочило подь деревомъ.... Когда мы спали пробирапьясь домой по грязнымъ дорожкамъ, маминька взглянула нечаянно на свою руку и не могла надивипьясь, отъ чего у нее перебѣнплся цвѣпъ правой ладони. «

» Сперва осмопрѣлась она около себя, попомъ взглянула на пвою бѣдненькую сеспрѣночку и замѣпвивъ, что у меня одна щека сдѣлалась вдругъ блѣднѣ другой, она попчасъ догадалась обо всемъ.... Наконецъ, послѣ долгихъ разспросовъ, узнавъ наспопщую причину моей проказы, она сдѣлалась еще груспнѣ, нежели наканунѣ... Боже

мой! ужъ какъ я пѣпняла себя попомъ за свою неоспорожность; только того, что сдѣлано, никогда не воропншь. «

» Хотя добрая маминька и не говоришь мнѣ никогда о своихъ дѣлахъ, однако я сама все знаю: спарая моя нянюшка разсказала мнѣ обо всѣхъ подробностяхъ. «

» Вообрази, дружечикъ, что вмѣстѣ шестп сопъ душъ, которья мы имѣли послѣ бапюшки, у насъ шеперь всего-на-все около полупораспа: спальные всѣ какъ-то описаны и проданы, только мы не получали денегъ.... Маминька слишкомъ ввѣрилась двумъ своимъ прикащикамъ, а эти безсовѣспные люди и обманули ее кругомъ: они раззорили креспьянъ и не заплапнили куда-то какихъ-то процешповъ. «

» Маминька должна была продать много дорогихъ вещей и вырученными деньгами насилу поправила своихъ мужичковъ. «

» Теперь мы живемъ въ степной деревнѣ однѣ единѣхоньки.... Сперва было маминька и выѣзжала со мною къ сосѣдямъ, полько попомъ, когда я замѣтила, что эти выѣзды очень тяжель для нее, погда я сама сказала ей, что и мнѣ совсѣмъ не хочется бывать въ гостяхъ, и съ тѣхъ поръ мы дѣлаемъ одни самыя необходимыя визиты. «

» Изъ нашихъ обыкновенныхъ поспиппелей, для меня всѣхъ несноснѣе эпопъ желный Полковникъ, который слѣдилъ за мною въ Петербургъ и копорого ты вѣрно поминишь.... На мое несчастіе, его полкъ спонипъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ. «

» Каково тебѣ покажется: онъ намѣренъ за меня свапаться.... Маминька еще не говорила со мною объ немъ ни слова, полько мнѣ ужъ извѣсны его запты: опяпъ па-же нянюшка узнала обо всѣмъ, по ея словамъ какъ-то случайно, опъ Полковничьяго камердинера.... Сначала и она, спарушка, пуда-же съ уговорами, полько я пакъ на нее разсердилась, что заплакала.... Посмопрю, какъ-то она заговоритъ еще послѣ эпига? «

» Вотъ въ какомъ положеніи бѣдная пвоя Лиза!... Всѣ мои радости прошли для меня!... Мнѣ оспаеся одна сладкая надежда, что, можетъ быть, судьба сжалится когда-нибудь надо мною и я увижу своего миленькаго бранца.... По повнорю еще разъ: не разлюбитъ - ли ты меня?... Не замѣтила-ли какая-нибудь другая

пвоей названной сесприцы?... Чпо-жь тогда будепть съ моимъ несчастнымъ сердцемъ?... Ньпы!... Не хочу и думать!... Одна, мысль о пвоемъ непостоянствѣ раздраепть мнѣ душу!... Представь-же себѣ, чпо будепть со мною, если я въ эпомъ увѣрюсь? «

» Прощай мой миленькй брапецъ!... Прїѣзжай, если можно, въ Россію: возвращай мнѣ мое счастье! Вспомни только объ извѣстныхъ тебѣ блаженныхъ минуцахъ, копорья мы провели вмѣстѣ, передъ отпѣздомъ пвоимъ изъ Пепербурга, и не нарушай своего слова... Обо мнѣ не безпокойся: ты или никто, будепть также, какъ и прежде, всегдашнимъ, постояннымъ желаніемъ и намѣреніемъ любящей тебя —

» Лизы Буклиной. «

» Р. S.... Еще нѣсколько словъ.... Если ты меня любишь, если ты хочешь, чпобъ я писала къ тебѣ еще, то отвѣчай мнѣ поскорѣе, по еспь, непременно съ первой-же почтой, или много-много со впорой, попому чпо мѣсяца черезъ три мы переселимся куда-нибудь въ другое мѣсто.... Маленька хочепть продать свою деревню и купить поближе къ Москвѣ.... Теперь покуда она еще не выбрала. «

» Не получа отвѣта, не спану уведомлять тебя о нашемъ переездѣ: эпо будепть значить, чпо ты или не существуешь вовсе, или по крайней мѣрѣ для меня. «

» Цѣлую тебя безъ счета. «

Вольдемаръ, копорый началъ чпеніе письма сидючи, споялъ какъ вко-

паньей, когда онъ дочель послѣднюю спрочку.... Очень сожалею, что никакъ не могу сказать утвердительно, который именно періодъ эпига посланія поднялъ и выпянулъ его какъ спруночку; впрочемъ опъ того я ни чуть не меньше знаю, что онъ почно споялъ на ногахъ, и споя осыпалъ поцѣлуями почти сподрядъ каждое слово, написанное рукою его ненаглядной Лизаньки.

Наконецъ онъ воскликнулъ въ какомъ-то испуцленіи:

— » Нѣтъ, мой милый Ангель!... нѣтъ!... эпига никогда не случипся!... Ты не должна знать спраданій!... Ты будешь, ты непременно будешь моею! «

Проговоривъ эптъ важныя и непреложныя сенпенціи, Вольдемаръ пу-

зпился опромепью на свою кварпину... Все кипѣло въ его груди... Онъ весь предаясь Лизѣ и слѣдспвенно былъ *самъ не свой*.

О ты, которая дороже для меня самой жизни!... Нѣтъ сомнѣнія, что я буду любить тебя вѣчно!

КАТУЛЛЪ.

ГЛАВА XXXVI.

НЕИЗМѢННАЯ РѢШИМОСТЬ.

Страсти въ мірѣ нравственномъ то-же, что движеніе въ мірѣ физическомъ; движеніе создаетъ, разрушаетъ, сохраняетъ, разрушаетъ, сохраняетъ, одушевляетъ все, и безъ него — все мертво!.. Такъ и страсти оживляютъ міръ нравственный.

Гельвецій.

— » Ыдемъ!... Ыдемъ!... « вскричалъ
Поэтъ вбѣгая въ *саттелку* (5).
» Ыдемъ, Василій Пепровичъ!... Я не

въ состояніи выносить болѣе ни минуты!... Я буду съ нимъ спрѣляться, если эпо нужно!... Какая дерзость!... Какая ужасная, непоспнжимая наглость: видѣшь, что его не любяшь — и осмѣлишься искапать руки ея!... Скажи же пожалуйста, что вы думаете объ эпомъ, почтенный Василій Пепровичъ? «

Бѣльскій, которій то-же получилъ письмо опъ Ивана Дмпріевича, и которій умолчалъ о томъ, потому что Арскій, извѣщая его за тайну о своемъ свановспвѣ за Смолянову, просилъ упопребишь самое искусное ходатайство передъ брапомъ молодой дѣвушки, — Бѣльскій, не смотря на свое просонье, съ первыхъ-же словъ Вольдемара примѣнилъ все къ заплѣямъ своего друга, вовсе не думая ни о Лизѣ, ни о желпомъ Полковникѣ....

Онъ по своему смекнулъ въ одну минуточку все дѣло, предположивъ, что вѣрно Любовь Николаевна сама написала обо всемъ къ брату, и къ тому же, въ добавокъ, объявила рѣшительно, что она нерасположена къ Арскому, и что поэтъ докучаетъ ей своими исканіями, злоупотребляя любовью къ нему спарика Николая Ивановича.... Все это, будучи впрочемъ совершенной правдой, мелькнуло у него въ головѣ какъ молнія и онъ рѣшился спараться за своего поварища, хотя рѣчь шла въ это время совсѣмъ о другихъ лицахъ.

— » Что-жъ вы, Василій Пепровичъ, думаете объ этомъ?... « повторилъ Вольдемаръ.

— » Вы, любезный Владиміръ Николаевичъ, спрашиваете это у меня? «

— » Боже мой!... Разумѣется у васъ. Здѣсь, кажется, нѣтъ больше ни кого. «

— » Въ такомъ случаѣ я попрошу, чтобы вы напередъ немного успокоились.... Повѣрьте, въ подобныхъ обстоятельствахъ надобно имѣть гораздо болѣе хладнокровія: иначе мы будемъ видѣть все не такъ, какъ слѣдуетъ. «

— » Точно!... точно!... Я согласенъ съ вами!... Хладнокровіе никогда не вредитъ. «

— » Ну, вопль этакъ гораздо лучше.... Теперь подумайте хорошенько и скажите мнѣ по совѣсти, что онъ вамъ сдѣлалъ и за что вы разсердились на него до такой степени? «

— » Что онъ мнѣ сдѣлалъ?... Онъ мнѣ ничего не сдѣлалъ; но я его нена-

вижу и презираю, потому что она его не любитъ.»

— » Это слишкомъ бездоказательно, любезный Владиміръ Николаевичъ, и признаюсь вамъ, я никакъ не могу добиться, какъ-бы согласишь это съ вашимъ здравымъ и основательнымъ умомъ.»

— » Полноте пожалуйста!... Тупъ нѣтъ никакого дѣла до моего ума: пусть, сударь, спрадаютъ сердце.»

— » Не понимаю, опять чего-жъ ему спрадать? онъ любитъ ее — вопъ и только!»

— » Да какъ онъ смѣетъ ее любить?»

— » Что вы?... что вы, Владиміръ Николаевичъ?... помилуйте!... Да кто же запрешишь любить кого захочется?»

— » Ну пускай себѣ онъ и любитъ её, только не смѣй сватаваться.»

— » Скажите, опять чего-жъ и въ этомъ не попробовашъ счастья?»

— » Наконецъ, пусть его пробуетъ: я знаю, что ему откажутъ; но если онъ осмѣлился докучать....»

— » Тогда онъ поступишь очень безразсудно...»

— » Нѣтъ!... Тогда онъ дорого поплашился со мною.»

— » Тамъ будетъ ужъ ваша воля, а теперь куда поговоримъ опкровенно... Нѣтъ спора, что она прекрасная и милая дѣвушка; но, впрочемъ, чѣмъ-же и онъ не женихъ?»

— » Онъ?... Чѣмъ-же онъ не женихъ?... Съ его опвратительною рожею?»

— » Копорую вы такъ часто хвалили. «

— » Вы клевете на меня въ глаза: если я и сказалъ объ немъ что-нибудь хорошее, такъ вѣрно въ насмѣшку или шутку, а вы, конечно, можете понять и по и другое. «

— » Согласенъ съ вами, однако все таки... «

— » Ахъ, Боже мой! да что шутъ за возраженія?... Я увѣренъ, что если бы вы прочли эпъ спроки, по заговорили-бы совсѣмъ другое.... Вопъ извольте, пробѣгите ихъ начиная съ эпэго мѣста: *изъ нашихъ обыкновенныхъ посятителей...* и такъ далѣе до конца.... Посмотрю, что вы скажете мнѣ на эпэ. «

Бѣльскій взялъ поданное ему письмо и, увидѣвъ подпись *Лизы Буклиной*,

попчасъ догадался обо всемъ еще прежде, нежели прочелъ... Опъ былъ чрезвычайно обрадованъ, что ихъ взаимныя ошибки оказались непоясненными: иначе эпэ конечно-бы повредило его дружескимъ намѣреніямъ, будно-бы не нарочно похваливать Арскаго передъ Вольдемаромъ.... Гора свалилась у него съ плечь, когда онъ узналъ, о чемъ шелъ наспоющій споръ.... Планиметрія невольно заблеспала на его ослабленномъ лицѣ, когда онъ предспавилъ себѣ, что малѣйшее продолженіе подобнаго разговора, въ копоромъ одинъ не зналъ и не понималъ о чемъ говорить другой, могло веспи за собою самья неприяпныя послѣдствія.

И почно!... Я думаю, что почпи всѣмъ моимъ чипапелямъ, или по крайней мѣрѣ очень многимъ изъ нихъ

часто на своемъ вѣку случалось слышать споры шакого рода и видѣшь, какъ иногда изъ одного недоразумѣня поднималася спрашная Гоморра.

Когда я выразился шакимъ образомъ, шакъ эшимъ доказываеця шолько то, что я не опдаю никакого предпочпенія Содому, и что если онъ можетъ гдѣ-нибудь подниматься, шакъ онъ чего-же въ свою очередь не поднятъся иногда и Гоморрѣ?

— » Ну, Василій Пепровичъ!... говорите!... говорите!... Совѣнуйте мнѣ бышь похладнокровнѣе. «

— » Да полноше сердиться на меня, мой дорогой Владимірѣ Николаевичъ: теперь, послѣ прочпенія эпѣхъ спрокъ, я нахожу себя кругомъ виноватымъ.... Вѣдь я, знаете-ли, думалъ, что ваша прелесная Лизанька цоль-

ко что равнодушна къ нему, а она проспо не можетъ его пергѣть: эпо принадлецное дѣлю!... Да онъ-же и шакой неопивязной.... Что за мерзавецъ, въ самомъ дѣлѣ! — Она въ Пепербургѣ—и онъ шамъ; она въ деревнѣ—и онъ поже. «

— » То-то! вопъ видите-ли?... А ужъ всегда любите спорить. «

— » Э!... полноше!... Не спавьте всякаго лыка въ спрокъ; при шомъ-же все, что я дѣлаю и говорю, все эпо я дѣлаю и говорю любя васъ.... Скажите-ка лучше, что вы намѣрены начать? «

— » Ъханъ сегодня-же домой; опкрѣпъся во всемъ бапошкѣ и выпросить у него позволеніе опсправить-ся въ Россію.... Вы, можетъ бышь, захопите шаже помочь мнѣ своими просьбами. «

— » Боже мой! какъ вамъ не стыдно говоришь, что я можетъ быть захочу.... Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, что я буду стояти на коленяхъ, буду плакать, рыдать, однимъ словомъ буду дѣлать все, чтобы только угодить вамъ; но напередъ говорю, что я не ожидаю хорошаго успѣха. «

— » Опъ чего-же? «

— » Какъ опъ чего?... Ваня бапюшка такъ любитъ васъ и такъ привыкъ къ вамъ, что онъ вѣрно не захочетъ и слышать объ разлучѣ. «

— » Но если опъ энаго зависитъ счастье двухъ человекъ?

— Все это такъ, только онъ-то наврядъ повѣритъ этому. «

— Нѣтъ, полноше, не спорьте со

мною.... Вы не знаете моего бапюшку. «

— » Дай Богъ, чтобы я ошибся! «

Каждый, смотря по внутреннему убѣжденію въ достоинствѣ, или въ недостоинствѣ своихъ дѣйствій, имѣетъ сердце полное надежды или страха.

Овидій.

ГЛАВА XXXVII.

БѢДНЫЙ ВОЛЬДЕМАРЪ.

Надобно вникать въ природу вещей и видѣть съ точностію, чего она пребудетъ.

Цицеронъ.

Между тѣмъ подали чай, пришелъ хозяинъ и мои друзья принуждены были перемѣнить предметъ разговора.

= 81 =

Когда рѣчь зашла о скоромъ отъѣздѣ, тогда Бѣльскій спарался употребить все свое искусство, чтобы отсрочить его хопя до завтра: такъ расколошили его живописныя путешествія по величественному Алтаю. Сверхъ того, солнце уже закапывалось и покуда-бы они закусывали на дорогу, покуда-бы дѣлалось по да другое, должна была наступить ночь — и тогда каково ѣхать эпитъ проклятымъ Ускучевскимъ ущельемъ?... А пуще всего, каково перепрыгивать черезъ адскую прещину, копорой не было никакой возможности миновать?...

Краснорѣчіе его взяло наконецъ верхъ надъ непрерывіемъ Вольдемара и эпитъ послѣдній опправился прогуливаясь, чтобы обсудить по серь-

ѣннѣ важныя свои преднамѣренія оп-носительно Лизы.

Напоследокъ онъ успалъ и ходилъ и обиживалъ, сѣлъ гдѣ-то подъ деревомъ и, пользуясь свѣтомъ погасящихъ солнечныхъ лучей, прочелъ слѣдующее письмо отъ Арскаго.

» Просише меня, что я пакъ долго не могъ выбрать времени, что-бы писать къ вамъ, любезнѣйшій другъ мой Владиміръ Николаевичъ!... И теперь я въ сосполянн набросалъ только нѣсколько спрочекъ, пакъ смущены всѣ мои мысли, пакъ сильно взволнованы всѣ мои чувства!... Мнѣ кажется, что судьба хочеть познакомить меня со всѣми тяжельми испытаніями бѣдспвій. «

» Тотчасъ послѣ вашего отъѣз-

да у меня сильно захворала жена.... Болѣзнь казалася сперва слишкомъ маловажною, что-бы думать объ опасности, но переломъ былъ рѣшипелень и чрезвычайно несчастливъ: черезъ недѣлю послѣ него я уже рыдалъ надъ преждевременной могилой своей неоцѣненной подруги. «

» Удрученный горестію, я было начиналъ думать, что для меня потеряны всѣ надежды на земное благополучіе, и вдругъ увидѣлъ къ нему новую, надежную дорогу: мысль, что Милосердное Провидѣніе сжаилось надо мною, возвратила мнѣ большую половину потерянныхъ силъ.... Теперь я дышу нѣсколько свободнѣе; теперь я позволяю себѣ мечпаться иногда, что можетъ быть невозвратная моя потеря вознаградится мнѣ по благоспн Небесной. «

« За очно не могу сказать вамъ ничего яснѣе... Пріѣзжайте, возвращайтесь скорѣй, любезный и милый Владиміръ Николаевичъ!... Дославные мнѣ сладостную, оправдную возможность забытья на минупу въ лонѣ дружбы, раздѣлиль съ нею свои спраданія и повѣрили свои пайны. »

..... Здѣсь Вольдемаръ пріоспановился, невольно оперъ слезу и подумалъ: » Какой рѣдкій человекъ! какой превосходный другъ! «

Простодушіе Поэта никакъ не смѣкнуло, что господинъ Арскій въ ожиданіи его возвращенія *забылся на минупу* въ лонѣ пуспословія, и мастерски подкапывалъ своему благопріятелю шурусы на колесахъ.... Смоляновъ не догадался, что изъ всѣхъ *чувствительныхъ и трогательныхъ* выраженій

Ивана Дмипріевича, только одно названіе умершей жены: *неоцѣненной по другой*, было вѣрно и согласно съ истинными его чувствами: онъ въ самомъ дѣлѣ не умѣлъ, или, лучше сказать, не хотѣлъ оцѣнить эпою доброй женщины.

Впрочемъ, во время моего опешупленія можно опереть самые изобильные ручьи слезъ и попому будемъ продолжалъ чпеніе письма.... Изъ оспальной половины его вы увидите, что Иванъ Дмипріевичъ, не чипая Цицерона, вникалъ въ природу вещей и зналъ съ почностию, чего она требуетъ.

« Но собственныя мои несчастія почти не помѣщали мнѣ занимать себя участію того, кпо шакъ дорогъ моему сердцу. »

» Вы напишете передъ вашимъ другомъ и я не смѣю докучать вамъ; впрочемъ, опъ того я ни чуть не меньше могу все видѣть и почпи *долженъ* сообщать вамъ обо всѣхъ моихъ наблюденіяхъ.... Не знаю, какъ вы примите мое чиспосердечное усердіе къ вашимъ пользамъ, но по крайней мѣрѣ, можетъ быть, уважите причины, копорья заспавляютъ меня не выпускаю изъ виду ничего, что только касается до васъ. «

» Она.... не назову ее.... вы догадаетесь сами и безъ того.... она сдѣлалась очень грустна послѣ вашего опъзда.... По всему видно, что сердце ея невольно дало обѣтъ принадлежать вамъ на вѣки.... «

» На дняхъ, будучи въ вашемъ домѣ, я съ намѣреніемъ заговорилъ при

ней о васъ, опдавалъ должную справедливоспъ достоинствамъ и замѣпилъ съ особеннымъ удовольспвіемъ *разливъ румяныхъ зарь* на ея ланипахъ.... Послѣ этого вы должны оставитъ всѣ сомнѣнія и радоваться своей побѣдѣ. «

» Мнѣ извѣстно также, спороною, что *она* очень поропица пригото-вить подарокъ для дня вашего ангела, предполагая, что вы возвратитесь сюда къ этому времени.... Человѣкъ, копорый говорилъ мнѣ объ этомъ подаркѣ, увѣряетъ, что въ немъ искусство и вкусъ до такой степени утончены и прекрасны, что не знаешь чему опдать предпочпеніе.... Если-бы я не былъ вашимъ искреннимъ другомъ, то я вѣрно - бы по-видовалъ вамъ.... «

» Приѣзжайте-же скорѣе: углышите любовь и дружбу, которыя вмѣстѣ скучаютъ о вашемъ отсутствіи... Тогда я вамъ опкрою *нѣчто*, опъ чего зависить участь моей жизни, и буду умолять о вашемъ содѣйствіи.

» Если не хотите обрадовать насъ, любезнѣйшій Владиміръ Николаевичъ, скорымъ своимъ возвращеніемъ, по хопя не забывайте о нѣхъ, которыя привязаны къ вамъ... Я-же, со своей стороны, останусь всегда вѣрнѣйшимъ вашимъ другомъ. «

» Иванъ Арскій. «

Дошедши до послѣдней почки эпистографическаго письма, Вольдемаръ перечелъ его снова—и слова произнесъ прежнія свои восклицанія: » Ка-

кой рѣдкій человекъ! Какой превосходный другъ! «

Не лзя сказать, что-бы онъ не подосадовалъ немного на то, что сердечная пайна его проникнула; но въ замѣну того, какое богатое, усладительное вознагражденіе нашелъ онъ въ пансионерныхъ баласахъ *рѣдкаго человека!*...

Онъ любимъ Раисою... Его отсутствіе наводитъ на нее тоску и грусть!... О! какъ велико спало теперь его счастье!... А чего спонить эпистолярный подарокъ?... Эпа заболитъ-ли успѣть угодить чѣмъ-нибудь милому человеку?

— » Прелестное созданіе!... (воскликнулъ онъ наконецъ); пы возвращаешь жизнь убитой душѣ моей неприпворною своею любовью!... Но пы

увидишь, что я умью быть благодарным: я употреблю все мои силы, что-бы сдѣлать тебя благополучною... Надобно ѣхать въ Т.....; надобно признаться во всемъ бапюшкѣ и просить его благословенія... Тупъ мнѣ не за чѣмъ будетъ разсваиваться съ нимъ, и онъ вѣрно согласится исполнить мои просьбы, мои мольбы: ему такъ дорого счастье его дѣшей!... Василий Петровичъ говоритъ правду, что для спарика, колпорый уже привыкъ ко мнѣ, былъ-бы тяжель мой ѡпъздъ изъ Сибири... Какой преумный и предобрый эполтъ Василий Петровичъ!... Какъ онъ умѣетъ это все обсудить и придумать! «

— » А Лиза?... А безопвязчивость желпаго Полковника? « спросить меня чипапели.

Все забыло, милосливые государи,

по пословицѣ: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки... Такъ впрочемъ опивчаю полько я, но самъ Поэпъ опивѣпилъ - бы вамъ конечно совсѣмъ другое.

Онъ навѣрно не спалъ-бы даже говорить ни о невозможности одного брака, ни о видимой возможности другаго, а завель-бы васъ просило въ пакую фанпаспическую прущобу; осьпалъ-бы васъ съ головы и до ногъ такими неоспоримыми доказательспвами своей правоты и вѣрности къ Петербургской брѣнепочки; наконецъ, онъ такъ-бы масперски представилъ вамъ пожеспвенность предметовъ своей любви, что если - бы вы и собспвенными своими глазами увидѣли его свальбу съ Раисою, то все-таки думали-бы, что онъ женился на Лизѣ... Эпи господа Поэпы

умѣютъ иногда удивительно какъ хорошо морочить честныхъ людей и нашу братью профановъ.... Подъчасъ, они даже любятъ дѣлать бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, чпобы пѣшились легковѣремъ толпы.

Наконецъ Вольдемаръ принялся за письмо сестры и, надобно сказать правду, что оно удивило его не на шутку.

Любинька, уведомивъ его напередъ о смерти жены Арскаго и о томъ, какъ эпопъ послѣдній былъ на похоронахъ еще неуспѣвшимъ Василья Пепровича, — рассказала ему попомъ о происшествіи вовсе неожиданномъ.... На пятый день послѣ печальной церемоніи, несчастный вдовецъ явился къ ней съ униженными предложеніями своего сердца и своей руки!...

» Ты можешь представить себя, мой другъ, (писала сестра Поэта), какъ удивило меня это поспѣшное сватовство.... До сего времени, я была такъ расположена къ Ивану Дмитриевичу, какъ бывають расположены къ хорошимъ и коропкимъ знакомымъ; но съ самой первой минутой его исканія, оны поперять всѣ права не только на какую-нибудь особенную, исключительную привязанность, даже на уваженіе.... «

» Боже мой! мнѣ и теперь кажется, что я вижу все это во снѣ!... Располюй мнѣ, еспь-ли какал-нибудь возможность сдѣлать подобное предложеніе, и когда-же?... и послѣ чего? «

» Только за пять дней — и не больше, его несли какъ мертвого за гробомъ жены; за пять дней онъ вырвался какъ испуганный изъ рукъ

своихъ знакомыхъ и чуть-чуть не бросился въ могилу!... За пять дней онъ умолялъ, что-бы его хотя изъ милосердія зарыли вмѣстѣ съ нею... и потомъ черезъ пять дней позабывъ эту комедію и принявъ за новую!

» Можеть быть я выразилась слишкомъ жестко; но воля моя, милой братъ, а я почти увѣрена, что честный человѣкъ не можеть сдѣлать подобнаго поступка... Если онъ любилъ меня еще при жизни своей жены, въ такомъ случаѣ за чѣмъ - же эти прагическія сцены при похоронахъ?... Приличіе требовало только одного груснаго вида: чѣмъ-же назвать все оспальное? «

» Онъ обратился сперва къ бапюшкѣ, которъй, будучи уже слишкомъ

расположенъ къ нему, оправилъ его ко мнѣ въ ту-же минуточку... Я выслушала его съ величайшимъ изумленіемъ; но не смотря на то, вдругъ сообразила все, собралась съ духомъ, и безъ всякой записки отказала ему рѣшиительно. «

Оспапокъ письма имѣеть частный интересъ и здѣсь не заслуживаетъ пересказа.

Тутъ только понялъ наконецъ Вольдемаръ всѣ запѣливыя и панишвенныя восклицанія Арскаго... Тутъ онъ постигъ, какую *новую и надежную* дорогу къ *благополучію* увидѣлъ его благопріятель, хотя впрочемъ слово *надежную* показалось ему довольно неумѣстнымъ, послѣ крѣпкой рогатки, переброшенной черезъ эту дорогу рѣшительнымъ отказомъ Любиньки... Тутъ онъ узналъ, чѣмъ предполага-

лась вознаградиться потеря Ивана Дмитриевича.

Дочитавъ письмо, онъ невольно раздвлялъ сначала удивленіе своей сестры, какъ я уже и сказалъ объ эпюмъ; но потомъ мало-по-малу спалъ передаваясь на спорону Арсаго....

Смерть жены, не смотря на холодность къ ней, могла жестоко огорчить его, какъ человека чрезвычайно чувствительнаго, а раннее сватовство могло бытъ слѣдствіемъ пламенной спрасли.... » Нѣтъ! Любимка слишкомъ виновата передъ нимъ... Она черезъ чуръ опрощива.... Впрочемъ, эпо можно еще поправить перпнѣемъ и настойчивостію.... Арскій правъ!... Арскій почно прекраснѣйшій, предобрѣйшій человекъ!... Онъ будетъ

хорошимъ мужемъ.... Ему надобно по-мочь! «

И какъ-же иначе?... Арскій писалъ, что Ранса любимецъ Вольдемара, что она сдѣлалась очень грустна послѣ его отъѣзда, и что она готовилъ ему подарокъ, въ которомъ не знаешь чему отдатьъ предпочтене: искусству или вкусу.... Какъ-же вы назовете подобныя вещи?... Не ужели пустяками?... Нѣтъ! или и послѣ эпюго Арскій не предобрѣйшій человекъ, такъ кого-же считаете вы предобрымъ?

Погрузившись въ сладкія думы такимъ образомъ, забываясь о судьбѣ своего друга, онъ постарается поправить его небольшую ошибку въ поспѣшности и примиритъ съ нимъ свою сестру; какъ та на послѣдокъ отдастъ справедливость доспонси-

вамъ таково прекраснаго жениха, каковъ Иванъ Дмитриевичъ, Вольдемаръ медленно возвращался на свою квартиру и возмозноспъ счастья близкаго къ нему человека, невольно раждала мысль о возмозноспи собственнаго счастья.... Онъ упоналъ въ моръ мечпательныхъ воспорговъ.

Пришедши въ комнапу, онъ нашель Бѣльскаго въ большихъ хлопотахъ около пригоповляемаго ужина, и какъ поварищъ его прималчивалъ, такъ и онъ не говорилъ ничего со своей споронъ.... Вѣрно они оба знали и думали тогда, что упро вечера мудренѣе, а попому и опкладывали все до завтра.

На другой день поже самое молчаніе: одинъ по обыкновенію предавался мечпамъ, другой выжидалъ сча-

спливыхъ минушь и удобныхъ случаевъ.... Но по пріѣздѣ въ Багръшху, гдѣ лошади были уже запряжены въ карандасть, Вольдемаръ подошелъ къ Бѣльскому и сказалъ ему очень значптельно:

— » Намъ надобно перемѣнить маршрутъ: оспавимъ въ покоѣ Ирпшщъ и *Плптяжную крѣпость* (6) и все на свѣптъ: мы должны ѣхалп, мы должны пороппться, мы должны леппль въ Т.... Тамъ предспоптъ для насъ многое.... Тамъ вы все узнаете! «

Тонъ эпой крапкой и убѣдптельной рѣчи имѣлъ спшкомъ много поржеспвенности, чтобы опвѣчалъ на нее пропворѣчіями, и попому Бѣльскій выразился просто:

— » Распоряжайпесь, мой другъ, какъ вамъ заблагоразсудптся. «

Вольдемаръ поблагодарилъ его пожатіемъ руки... Черезъ пять минутъ они были въ дорогъ по направленію къ Сѣверу, шакъ сильно подѣйствовало на Василья Пепровича слова Поэпа.... Видишь-ли господа, что....

Речь, предназначасмая для выраженія истины, должна быть проста и безискусственна.

СЕНЕКА.

ГЛАВА XXXVIII.

КАНУНЪ ТОРЖЕСТВА.

Дастъ-ли намъ завтра Юпитерь дождикъ или ведро; но онъ никакъ не можетъ сдѣлать, чтобы случившееся не случилось.

ГОРАЦІЙ.

— »Какъ жаль, что мнѣ не льзя бытъ у васъ!« сказалъ Арскій вѣдывая.

— » Видишь какой гусь!... А обо мнѣ и не пожалѣешь!... « подхватилъ Бѣльскій. » Развѣ мнѣ меньше пивого хочется полюбоваться баломъ, которъй задаетъ любезный нашъ Владиміръ Николаевичъ цѣлому городу? «

— » И не говорите мнѣ лучше, господя, объ эпномъ! « отвѣчалъ имъ Вольдемаръ; » я чупь-ли не больше вашего досажаю, что вы оба не будете у меня... Благодаря вашимъ пособіямъ, эпна бесѣдка убрана, право, не дурно. «

— » Помилуйте!... Что вы?... Какъ не дурно?... Можно-ли назвать такую уборку недурною?... Клянусь вамъ какъ честный и благородный человекъ, что эпно прелесно!... превосходно!... очаровательно! « кричалъ Бѣльскій, прыгая какъ сумасшедшій

козель по огромной залѣ садовой бесѣдки.

— » Спало бытъ эптъ гирлянды и букеты почно вамъ нравятся? « спросилъ молодой Смоляновъ.

* — » Кому-жъ онѣ не понравятся? « отвѣчалъ Арскій. » Особенно вы мастерски придумали сдѣлать воптъ эпти цвѣточные узлы: поглядѣвъ проспекю — такъ ничего, а всмонпрись-ка хорошенько, анъ и увидишь кое-что. «

— » Тише!... Тише, пожалуйста!... Будно вы замѣтили? «

— » То-по и еспь, что замѣтили!... Если кпо хопъ мало-мало не проспония, по какъ разъ увидѣтъ шуптъ Л и Р, по еспь: *Любезная Раиса*. «

— » Ну, да, да, да!... Положимше что такъ... Эй! кпо - нибудь!... «

Льспницу, молопокъ и маленьких гвоздей: я самъ хочу поправить верхніе вѣйки, « закричалъ Вольдемаръ, чпобы какъ-нибудь избавишься опть продолженія подобнаго разговора, и когда между тѣмъ онъ взлѣзъ подъ пополокъ, погда никакъ не могъ нарадоваться, чпо даже опть такого шонкаго и пронцапельнаго человѣка, каковъ Иванъ Дмитриевичъ, ускользнула его высокая, любимая, поэтическая мысль соединенія Лизы съ Раисою въ одно восхищительное цѣлое.

— » Вы вѣрно думаете о чемъ-нибудь другомъ, любезный мой Владиміръ Николаевичъ? « проговорилъ снизу неопвязчивый Арскій. » Ващъ вѣнокъ глядишь куда-то въ сторону... «

— » Будпо? « отвѣчалъ Поэтъ, смущенный такою неожиданностію.

— » Да какъ-же!... Опустите правый бокъ!... ниже... еще ниже!... Ну вотъ пакъ!... прекрасно!... Теперь посмотрите, какъ ввалилась середка... Вколонице въ нее два или три гвоздика. «

— » Хорошо чпо-ли? «

— » Очень хорошо!... Принимайтесь теперь за другой, а я похлопочу около свѣчей. «

— » Сдѣлайте милость!... Только пожалуйста велице спавишь пакъ, какъ я вамъ рассказывалъ, чпобы не могли загорѣться гирлянды. «

— » Будьте покойны! «

— » А гдѣ-же Василій Петровичъ? «

— » Онъ пошелъ хлопотать около шкаликовъ на той бесѣдкѣ, копорая въ большой алей. «

— » Ахъ, какой онъ добрый! дай Богъ ему здоровья! «

Весь эпизодъ разговоръ происходилъ въ большой бесѣдкѣ публичнаго сада, въ которой желающіе могли давать праздники.

Вольдемаръ пріѣхалъ наканунѣ поздно вечеромъ и на другой-же день по пріѣздѣ чуть свѣтъ занялся приготовлениями къ балу.

Часу въ девятомъ утра было послано до сонни билетовъ съ приглашеніемъ на балъ и ужинъ.... Попомъ, вмѣстѣ съ двумя своими друзьями, онъ пробылъ въ саду почти до глубокой ночи, украшая панцовальную залу такъ, какъ только было можно.... Наконецъ часу въ одиннадцатомъ вечера все было готово и на завтра — на завтра должно рѣшиться многое.

Опущивъ, Поэтъ отправился къ

своей сестрѣ, что-бы поговорить съ нею обо всемъ по подробнѣе: балныя хлопоты опяли у него возможность сдѣлать это прежде.

Разумѣется, что рѣчь началась Арскимъ, и что Любинька снова подтвердила свой опказъ.... Несчастливый вдовецъ испортилъ все дѣло такъ, что хоть брось: поступокъ его произвелъ черезъ чуръ ужъ невыгодное впечатлѣніе въ сердцѣ молодой дѣвушки, которая, послѣ приговорной печали *маленькаго человечка*, не вѣрила ему ни на грошъ.

Вольдемаръ былъ очень привязанъ къ своей сестрѣ и потому видя, что она не любитъ Ивана Дмитриевича не на шулку, исподволь совершенно перемѣнилъ разговоръ.

— » Ну, какъ ны, мой другъ, проводила безъ меня время? «

— » Не совсѣмъ-по хорошо.... Създила раза два за городъ и простудилась.... За то я могу тебя порадовать чѣмъ-нибудь другимъ, хопъ пы и пашисья опть своей сестрѣнки. «

— » Говори! говори!... Посмотримъ! Только, полно ужъ не знаю-ли я напередъ эптьхъ радостей. «

— » Напримѣръ, что все семейство пвоего названнаго дѣдушки и особенно милая Ранчка... «

— » Да! знаю!... знаю!... Она скучала безъ меня. Ну да что-жъ туть за важность? «

— » Помилуй, мой другъ!... Какъ скучала?... Я ее не видывала никогда такою живою и веселою, какъ она была безъ тебя. «

— » И пы это сама видѣла? «

— » Собственными своими глазами... «

— » И она говорила тебѣ, что ей съ нѣкопорога времени особенно весело? «

— » Именно говорила! «

— » А позволъ спросить, какъ она веселилась? «

— » Безпрестанно на гуляньяхъ: по чай въ поле, по на рыболовнѣ, по прогулка по рѣкѣ... «

— » И только? «

— » Да чего-жъ тебѣ больше въ нашемъ захохотѣ? «

— » И пы не замѣчаешь во всемъ эптомъ какой-то особенной склонности къ уединенію, какого-то самовольнаго оппдаленія себя опть несноснаго городского шума, опть людского, опть всѣхъ здѣшнихъ дрязговъ?... А?... «

— » Нѣтъ, мой другъ, признаюсь

тебѣ, что я совершенно не замѣтила ничего подобнаго. «

— » Ну вотъ видишь-ли!... По крайней мѣрѣ знаешь-ли ты что нибудь о подаркѣ, котораго мнѣ гошопився? «

— » Какъ не знаешь!... Бисерная подкладка подъ часы: ученическая, дѣпская работа, которую смастерила тебѣ Фелисата. «

— » Помилуй сеспра!... Ради Бога помилуй!... Да ты уморишь меня со смѣха!... Какое шупъ дѣлю до твоей Фелисаты и развѣ нѣтъ чего нибудь по импереснѣ? «

— » То-то и есть, къ несчастію, что нѣтъ! «

— » То-то и есть, къ счастью, что есть! «

— » Какъ-бы, кажется, дружечикъ, мнѣ не видѣшь? «

— » Да вотъ не видѣла-же... И къ тому-же говоришь еще, что она веселилась... А-а-ахъ! какой-же ты ребенокъ, какъ посмопрю я на тебѣ!... Не ужели ты не знаешь по сію пору, какъ умѣешь припворяться вся наша брашья? «

— » Но въ чемъ-же припворяться Ранькъ? «

— » А вотъ ты увидишь ужо... Посмопри-ка только, что будетъ за-впра. «

— » Дай Богъ! дай Богъ!... Особенно если мой обманъ тебѣ въ пользу. «

Они распроснились.

Улыбка самодовольствія и какая-то поржесивенность сіяли на лицѣ Вольдемара, когда онъ поцѣловалъ сеспру, желая ей доброй ночи... Напропивъ того, доброй Любинькѣ сдѣлалось

очень, очень грустно: она поняла теперь, что любовь его брата къ дочери Бенина совсѣмъ не похожа на легинькое, эфемерное волокитство, которое такъ легко забывается для новыхъ проказъ.... Она увидѣла, что Вольдемаръ долженъ быть обманутъ ласковыми, но ложными извѣстіями, которыми весьма справедливо и основательно приписывали Арскому, зная корытосность его съ братомъ и отношенія послѣдняго къ другимъ лицамъ.... Наконецъ она предсавила себѣ, какъ ужасно будетъ разочарованіе влюбленнаго Поэпа, если онъ увидитъ прежнюю холодность Раисы, которая ни сколько не отвѣчала на его исканія.

Все это вдругъ уяснилось въ ея воображеніи и она обняла своего брата гораздо крѣпче обыкновеннаго, какъ это мы дѣлаемъ всегда, если близ-

кому для насъ чловѣку угрожаетъ какая-нибудь опасность, и если мы не можемъ ни сообщить ничего опраданаго, ни помочь ему.

— »Добра, умна, а какъ неопытна!« говорилъ про себя Вольдемаръ, спускаясь тихонько по темной лѣспницѣ въ свою комнату.

— »Но темъ лучше!... Темъ лучше!...« продолжалъ онъ. » Она меня любить — и нечаянность счастливейшей развязки будетъ для нее еще приятнѣе.... «

» Любопытно, что-то она заговоритъ завтра?... О! пятнадцатое Іюля, 18** года, должно быть самымъ рѣшительнымъ днемъ моей жизни! «

Упомленный дневными хлопотами, онъ погрузился сперва въ пышный

пуховикъ, попомъ въ заманчивыя мечпы, наконецъ въ крѣпнѣй сонъ, а что въ одно и то-же время и *пышно*, и *заманливо*, и *крѣпко*, по должно бытъ очень не дурно.... Не правдали, милоспивыя государыни?

Но можеть спашься, вы спросите, о чемъ-же мечпалъ Поэпъ?... Нѣтъ!... Вы меня не спросите, попому что это спарая пѣсня.

Незвѣспность лучше славы и добродѣтели лучше дарованій. Солнце, маленькое поле, жена, дѣши — вопъ что доспапочно для его поспоянныхъ удовольспвій.

БЕРНАРДЕНДЕ СЕН'ПЬЕРЪ.

ГЛАВА XXXIX.

ПОДАРОКЪ.

Удовольспвіе представляется его воображенію; его сердце воспламеняется; его чувства взволнованы: онъ желаетъ....

ШЕВНЬЯРЪ-ДЕ-ЛЯ-ПАЛЮ.

Наспунить поржеспвенный день именинъ.

Съ девяти и до одиннадцати часовъ

ушра Вольдемаръ безпрестанно принималъ поздравительныя визиты и однакожь, провожая своихъ посылителей, онъ благодарилъ только за сдѣланную честь и не просилъ ни одного: *пожаловать на кашку чаю*, какъ это обыкновенно водится въ Сибири.... Къ обѣду, кромѣ спарика Бенниа съ его семействомъ, позваны одни самыя коронкіе друзья дома.

Бѣдный Поэтъ былъ все упрото какъ на иголкахъ.

Чуть только прогремятъ у подъѣзда какія-нибудь дрожки: »Ну, вотъ вѣрно дьдушка!« думалъ онъ — и обманывался.... *Дьдушка* пріѣхалъ послѣ всѣхъ.... Чпо-жь?... Оно и естественно!... Конечно, спарикъ-то хочеть опдашь подарки пакъ, чпо-бъ эшаго никпо не видалъ.... Надобно

думать, что сама Райнька придумала и приладила всѣ его шаги....

Наконецъ явился и Яковъ Пепровичъ — и эпо появленіе захватило духъ у бѣднаго молодого чловѣка.... Онъ не помнилъ ничего: ни встрѣчи, ни полученія небольшого пакетца съ чѣмъ-то тяжельмъ, ни проводъ; впрочемъ все эпо было дѣломъ япши минуть, поштому что Бенниъ поропился въ свою Палату.

Когда Вольдемаръ оспался одинъ, погда онъ бросился безъ памяти въ свой кабинетъ, заперъ за собою дверь, сѣлъ въ кресла передъ письменнымъ столомкомъ, положилъ на него паниспвенный пакетецъ — и не зналъ, какъ осмѣлишься развернуть его.

Если-бы посмопрѣлъ въ то время со стороны на нашего героя, то можно было-бы подуманъ, что онъ

помѣшанъ на какомъ-нибудь забавномъ пунчикѣ....

То вскочилъ — и начелъ прикидывать на руку пяжестъ подарка; по снова положилъ его, снова сядетъ — и попохаептъ; по опять возьметъ въ руки — и посмотритъ къ свѣту; напоследокъ, въ минутомъ порывѣ геройской рѣшительности, онъ раскрылъ непроницаемую чепверткушку веленовой бумаги — и круглая бисирная подкладка подъ часы ученической, дѣтской работы упала на споль.

— »Какая плуповка!... Какая милая, добрая, запѣйливая плуповка!« во-скликнулъ Поэтъ. »Она непременно хочетъ опдасть мнѣ свою работу собственными своими руками.... И какъ хипра!... Каково-же?... Даже не ска-

зала ни слова своему папинкѣ... Ай да Сибирячка!... Такъ вопъ еще что за нами водился!... Ну да это хорошо!... очень хорошо!... прелесно!... Теперь ужъ я никакъ не могу сомнѣваться въ ея любви.... То-по по-смѣюсь я надъ сеспррой!... И какъ эта Раичка стумъла пакъ масперски се-крепничать?... Ей Богу ну; это пре-восходная шпучка!... Покорно просимъ! Да я-бы, за полчаса назадъ, конечно прозакладывалъ свою голову, что она не рѣшился на подобныя вещи.«

Такъ говорилъ Вольдемаръ и не могъ нарадоваться своему счастью.... Между тѣмъ время летѣло.... Про-било часъ; за Бениными послана ко-ляска; вопъ пришли и коропкіе зна-комые; вопъ посланный экипажъ воз-вращаенся назадъ; вопъ песпрѣюшъ плапья и шляпки; вопъ Поэтъ вы-

бѣжать на крыльцо; высадилъ дамъ; разцѣловалъ ихъ ручки, снялъ плащи и принялъ поздравленія; вопль начался общій разговоръ; вопль пробило два— и принесено кушанье; вопль опобѣдали; вопль подали десертъ и кофе; вопль приняли и шо, и другое.... Она, кажется, пакъ и посмаприваетъ на него.... Какая досада!... Ну чпо-бы разойнитесь эпитимъ господамъ и опдохнуть у себя немного: вѣдь какъ нарочно не вспомнютъ, чпо они еще услѣютъ упоминься вечеромъ.... а она вопль пакъ и выжидаетъ минушъ, чпо-бы оспанься съ нимъ наединѣ.

Вопль разошлись и эпити госнода; вопль и барышни убѣжали въ садъ.... полько она одна въ гостинной и чего-шо ищепъ.... » Плушовка!... знаемъ мы это исканье!... Однако-жъ не на-

добно шеряпъ пакой счасливой минушъ... Подойдемъ! «

— » Ахъ!... и вы здѣсь! «

— » Какъ видинте.... (Ужъ и смѣшалась.... Ахъ ипы милочка!) «

— » И давно? «

— » Съ минушъ. «

— » А я васъ и не замѣпила. «

— » (Шупишишь!) Не мудрено! вы смопрѣли въ другую сторону.... Да чпожъ вы поперяли? «

— » Кольцо!... А! да вопль оно... вопль оно!... Ахъ, Боже мой! какая-жъ я слѣпая. «

— » (Такъ-съ!... Понимаемъ, чпо у васъ за слѣпопа!) Вы опправляетесь гуляпъ? «

— » Да! день пакой прелеспиной.... какъ нарочно для вашихъ именнй. «

— » (Бѣдняжка! не знаетъ какъ и начапъ). «

— » Ахъ! ксапапи!... Получили-ли вы сегодня подарокъ? «

— » (Насилу-то повела къ настоящему). Какже-съ!... И уже разцѣловать за него ручки у моей миленькой ученицы!... Какая прелестная работа! «

— » Полюбите шупшишь пожалуйста! Впрочемъ, не объ эпломъ рѣчь: у меня естъ до васъ просьба. «

— » (Ага! наконецъ-то!) Вы можете приказывать. «

— » Не сердитесь-же на меня, сдѣлайте милость, что я вамъ ничего не приготовила для вынѣшняго дня; эпо не моя вина: я не нашла въ цѣломъ городѣ ни бисеру, ни шелковъ, ни гарусу.... А мнѣ-бы нужно опдарить васъ за ваши подарки.... Что-жь?... Вы не сѣрдитесь на меня? «

— » Я не смѣю сердиться на васъ, «

опвѣчалъ Поэпъ такимъ голосомъ, какъ будто онъ не ѣлъ цѣлыхъ при съ половиною дня, и зналъ, что онъ уполилъ голодъ еще черезъ такое-же время.

— » Смотрите - же!... Чуръ сдержать свое слово! « весело сказала Раницька и вдругъ исчезла.

Вопль шебъ и подарокъ, въ копномъ искусствѣ и вкусѣ до такой степени упончены и пакъ прекрасны, что не знаешь чѣму опдашь преимуществу: искусству или вкусу.... Вопль шебъ и смѣхъ надъ недалновидностью сестры!... Однако - жъ, кпо-бы эпо изволилъ обмануть добраго Ивана Дмитриевича?... Пойли и спросишь его.... Вѣдь ему не лъзя-же выдумывать!

— » Ахъ! мой любезнѣйшій, дорогой Владиміръ Николаевич!... Позвольте

*

вась обнялъ, разцѣловалъ и поздравилъ самому лично съ днемъ вашего ангела! « закричалъ Арскій увидя входящаго Вольдемара и бросаясь къ нему на шею.

— »Покорно вась благодарю, Иванъ Димитріевичъ.... но я пришёлъ.... «

— »Знаю! знаю!... догадываюсь!... и снова долженъ обнялъ вась изъ благодарности.... Вы пришли похвастаться своимъ подаркомъ.... Не правда-ли? «

— »Помилуйте!... Какимъ подаркомъ?... Я не получилъ отъ нее ничего.... «

— »Вы не получили отъ нее ничего?... Да переспаньте-же подшучивая плакъ надъ вашимъ другомъ!... Вы думаете, что я ничего не вижу по вашимъ глазамъ: вѣдь вы чуть не плачете отъ радости.... Вотъ извольте-ка поспомотрѣться въ зеркало! «

Вольдемаръ точно чуть не плакалъ, только совершенно отъ другой причины.

— »Какая лютая радость?... Говорю вамъ безъ шутокъ: я не получилъ рѣшительно ничего, кромѣ извиненія, что не могли сыскать въ цѣломъ городѣ ни бисеру, не шелковъ, ни гарусу. «

— »Можетъ-ли это быть? «

— »Вѣрно можетъ, когда оно почто есть, и я пришелъ спросилъ у вась, кто это вздумалъ пѣшиться надо мною и сообщить вамъ такой вздоръ? «

— »Признаюсь, если-бы я слышалъ это не отъ вась самихъ, да я-бы не повѣрилъ ни за что на свѣтѣ.... И таки ничего, совсѣмъ ничего не получили вы? «

— »Я вамъ говорю, что ничего. «

— » Спранно!... Удивительно!... Не-
поспизимо! «

— » И вы не можете сказать, кто
придумал эту шутку? «

— » То-то и есть, что не могу: я
далъ честное слово молчать, а вы
знаете, какъ это для меня дорого....
Однако-жь я постараюсь всеми силами
добраться до истины.... Что въ
самомъ дѣлѣ, за глупый и за низкій
поступокъ!... Да и я - то хорошъ!...
Написалъ къ вамъ не узнавши обо
всемъ основательно. «

— » Чѣмъ-же вы виноваты, что
повѣриш по своей добротѣ? «

— » Нѣтъ! нѣтъ! Владимиръ Нико-
лаевичъ — и не говорите лучше!... Я
никогда не прощу себѣ такой опро-
метчивости.... Но я открою все!
Тупь должно что-нибудь крыться!
Боже мой! какіе подлые люди! Какъ

обманывать такъ бесчестно! « вос-
клицалъ Арскій, ходя изъ угла въ
уголъ въ самомъ большомъ волненіи.

Вольдемаръ, которъй пришелъ ис-
каать утѣшенія у своего друга и уз-
навъ что-нибудь на счетъ несправе-
дливаго слуха, самъ долженъ былъ
сдѣлаться утѣшителемъ: такъ рас-
превожилось чувствительное сердце
рѣдкаго, прекраснѣйшаго, благороднѣй-
шаго челоуѣка и примѣрнаго благо-
пріятеля. Наконецъ ему удалось кое-
какъ смягчить *справедливый гнѣвъ*
Ивана Дмипріевича и онъ пошелъ до-
мой, утѣшенный если не на счетъ
сердечныхъ обидъ и не въ
дѣлѣ любви, то по крайней мѣрѣ со
споронъ самой безкорыстной друж-
бы.

Сначала Поэтъ перялся въ догад-
кахъ.... Ему никакъ не приходило въ

голову подозрѣвать Арскаго въ обманѣ, и къ тому-же, открывши истину, онъ былъ - бы сильно огорченъ шанспвомъ чловѣка, котораго считалъ своимъ некрешнимъ другомъ. Не добившись полку, онъ подумалъ на послѣдокъ: »Вѣрно какой нибудь зубоскаль, не заслуживающій ничего, кромѣ презрѣнія, подпірунилъ надъ моимъ добрымъ, надъ моимъ милымъ Иваномъ Дмитриевичемъ.... «

Эта мысль успокоила его нѣсколько, попому что онъ не знаетъ на кого ему сердиться; хоня впрочемъ.... «

Невѣденіе есть слабое лекарство противъ нашихъ бѣдствій.

СЕНЕКА.

ГЛАВА XL.

ВАДЪ И ВАДЫ.

Насъ заставляють вершеться маріонетками или кубарями.

ГОРАЦІЙ.

Въ половинѣ осьмага, экипажи спали подъѣзжаютъ къ воропамъ публичнаго сада.... Вольдемаръ разсылся отъ хлюпошь.

Въ началѣ девянаго подали чай; въ половинѣ раздали карпочки спарушкамъ, спаричкамъ и пожилымъ людямъ.... Въ девять загремѣлъ Польской.

Таково начало всѣхъ Сибирскихъ баловъ, и у молодого Смолянова не доставало только бѣлаго споловаго вина, которое почти вездѣ въ подобныхъ поржеспивенныхъ случаяхъ подаютъ шамъ въ небольшихъ рюмочкахъ мущинамъ при входѣ ихъ.

Другое отличіе этаго бала состояло въ томъ, что здѣсь дамы и кавалеры песпрѣли въ одной залѣ.... Впрочемъ, такая смѣсь была слѣдствіемъ необходимости, по неизмѣннѣю другихъ компаній; иначе, спаринное заведеніе сидѣль каждому на своемъ мѣстѣ, вѣрно не было-бы нарушено.

Говорятъ, что пеперь уже не считаеся неслыханною дерзостью и поспупкомъ неблагоприспойнымъ, если какой-холоспой мущина взойдетъ въ госпиную дамъ и если ему вздумается поговорить *даже съ двушкой*; но прежде это было уголовнымъ преступленіемъ въ кодексѣ Сибирскихъ приличій.... Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ молодыхъ людей чрезвычайно жаловались на такую вандализмъ — и не уничижили его однимъ рѣшительнымъ ударомъ только по своей малочисленности; исподволь почти невозможно было сдѣлать ничего: малѣйшій исключительный разговоръ съ какою-нибудь двушкой или дамой, сидящей въ кругу своихъ подругъ, дѣлалъ ее жертвою спленей.... Ангажировать на два танца сряду, не смонряни на какія близкія оппощенія, значи-

лю-бы хопыть обрапныть на себя общее вниманіе и снова подвергаютъ свою даму разнымъ полкамъ.... Если за эпо не оуждали рѣшипельно, по ужъ не премѣнно говорили, что *такой-то* влюбленъ въ *такую-то* и что свадьба *кажется* назначена въ будущій мѣсяцѣ.

Повѣря мнѣ (какъ и слѣдуетъ), что шупъ нѣтъ приувеличеній (какъ и въ самомъ дѣлѣ), вы, милоспивыя государыни, спросите, можетъ быть, меня:

— » Каково-же было тамъ бѣдняжкамъ мущинамъ? «

— Плохо! очень плохо! прелестныя мои чипапельницы!... Особенно, если нѣтъ нравилась какая-нибудь изъ пріѣзжихъ: эптъ бывають иногда такъ образованы и такъ милы!... Но, что касается до разговора съ шупземками, такъ

наврядъ господа Зауральскіе волокиты перьями слишкомъ многое опть невозможно сп бесѣдовать съ ними.... Я вѣдь вамъ пересказывалъ объ воспитаніи Сибирячекъ.... Не говорю теперь ничего объ ихъ умѣ, попому что слова *умъ* и *балъ* склеиваються между собою чѣмъ-то такимъ жиденькимъ, какъ седьмая вода на киселѣ.

Когда всѣ Предсѣдатели и Совѣтники Палагы переберуть въ Польскомъ всѣхъ женъ своихъ шоварищей и нѣкоторыхъ изъ молоденькихъ дѣвушекъ, по какимъ-нибудь особеннымъ политическимъ причинамъ, тогда господа панцоры натягивають перчатки и эпо вовсе не шупка!

Шопотъ, который вы замѣчаете между ними, производить опть важныхъ взаимныхъ вопросовъ:

— » Послушай! кого ты ангажировать? «

— » *Такую-то.* «

— » *Стало быть ты спанешь въ первой парѣ?* «

— » Да!... А ты кого взял? «

— » Слюнину. «

— » Ну такъ тебѣ *должно быть* во второй « (и попому подобное).

Таковы приготовления къ экосезу, непремѣнному, всегдашнему, первому танцу вслѣдъ за Польскимъ.

Случалось-ли вамъ, милостивые государи, бросать когда-нибудь философскій взглядъ на экосезъ?... Если нѣтъ, такъ это очень жалко и особенно попому, что подобное угнетеніе не лзя поправить ни чѣмъ: безжалостная мода давно уже подписала указъ вѣчнаго изгнанія этому Шопландскому выходцу....

Конечно, есть еще средство: сполнить только съездить въ Сибирь или куда-нибудь въ глушь; но многіе — ли изъ людей дѣлаютъ пакія чрезвычайныя пожертвованія на пользу любви мудрiя?

Полюбujemy-же этими гладиаторами въ циркѣ Терпсихоры.

Дамы выбрали себѣ мѣспа; пропивъ ихъ выпянулася линия мушинъ.... Смычки на спрунахъ, знакъ поданъ и — » пошла писать! « — думаете вы?... Ни чупъ не бывало!

Взгляните, какъ охорашивается эпитъ губерскій танцевальнiй заплата.... Какъ граціозно закружить онъ свои руки; съ какою внушающею важностію подходитъ онъ къ своей дамѣ и спрашиваетъ ее о назначеніи фигуры такимъ пономъ, какъ будлиобы дѣло шлю о благоденствіи цѣлаго

общества.... Приказаніе отдано — и вопль когда надобно употребить все свое вниманіе....

Посмотрите! посмотрите!... Какъ щегольски поклонился онъ!... Какъ небрежно и между тѣмъ какъ ловко подался немного назадъ, и какъ эпо хорошо онъ умѣетъ поправить баншикъ своего галстука, въ ожиданіи покуда доиграють вѣпрое колѣно.... Оно кончено — и онъ, какъ зефиръ, подлетаетъ къ дамѣ, онъ несется съ нею и улыбка его, съ корою онъ смотритъ на нее, значить въ переводѣ:

— » Не безпокойтесь!... Мы мастерски обдѣлаемъ эту шпунку!... О! на эпогъ счетъ мы-таки съѣли собаку!«

Фигура сдѣлана — и бѣлый плапокъ вышелъ на сцену.... Имъ опи-

раетъ прудовый попь; онъ заступа-етъ мѣсто опахала.... Распорядитель экосеза упомялся: онъ долженъ быть повторить одно и то же съ двадцатью парами, иначе-бы ему и не обобрапъся опгъ препензій.

Онъ кончилъ и отдыхаетъ опгъ прудовъ: теперь другой опличается на его поприщѣ; другой, въ какомъ-то забытій, въ какомъ-то младенческомъ упоеніи перелепаетъ съ мѣста на мѣсто, съ цвѣтка на цвѣтокъ; но и попь скоро кончить, оглядятся кругомъ себя, и не замѣчая ни какого слѣда своихъ шумныхъ, блистательныхъ дѣйствій, вынетъ свой бѣлый плапокъ — и начнетъ обмахиваться.... За нимъ явится претій, одиннадцатый, двадцатый — и все даже исторія.

Примѣните эпо къ другимъ танцамъ, попомъ нпогъ вашихъ наблюдений примѣните къ жизни почти всѣхъ людей — и вы увидите чрезвычайное сходство.

Однѣ выдумаетъ *фигуру*, или представляетъ спарую на новый ладъ, и попомъ идетъ, лепнитъ, хлопочетъ, беснуется; другіе увлекаются за нимъ; наконецъ всѣ спановялся по-очередно въ *последнюю пару*; оглядываются — они забыты: другіе выплясываютъ ихъ выдумки; на другихъ обращено вниманіе, а что-жь они?... Они уснули; попь печетъ градомъ, приходится вынуть платокъ, обтереть имъ свое разгорѣвшееся лицо — и *разшаркаться*.

Но люди опдѣлываются пакъ скоро только въ жизни, а не на Сибирскомъ балу.... Тамъ безъ шрехъ, безъ

четырехъ фигуръ и экосезъ не въ экосезъ.

За тѣмъ слѣдуетъ нѣсколько обыкновенныхъ кадрили и *между тѣмъ* пушъ и наливка для желающихъ.... Попомъ небольшой роздыхъ, какъ пауза передъ торжественнымъ аккордомъ — и вопъ всѣ beau monde молодежи спановится танцовать Французскую кадрили, и вопъ все *старое* подымается изъ-за-каришъ, что бы полюбоваться на *новое* поколѣніе, а *между тѣмъ* наливка и пушъ идетъ своимъ чередомъ.

Послѣ эпого блестящаго подвига снова принимаются за проспую кадрили, попомъ слѣдуетъ *матра-дуръ*, или въ иныхъ городахъ *мани-маска*; но — одиннадцатый въ исходѣ и попому *между тѣмъ* водка и вино; попомъ мазурка (только не сидя-

чая, а въ спруночку) — и между тѣмъ вино и водка; попомъ копиль-онъ — и между тѣмъ водка и вино; попомъ ужинъ — и между тѣмъ вино, водка, наливка и шипучка; наконецъ, если нѣкоторые извѣстные приемы развеселять панцовавшихъ, тогда послѣ ужина принимаются за *алагрекъ* и *попури*, и между тѣмъ поражаютъ шипучку и наливку.

Самый корошечный и следовательно самый непарадный балъ продолжается только до часу за полночь; самый блистательный — до четырехъ и даже до пяти.... За то ужъ какъ и напѣшались — мои голубчики, либо посмотришь на уѣзжающихъ!

Таковы были все Сибирскіе балы за пять, за шесть лѣтъ.... Говорятъ, что теперь Французская кадрили съкалала панцомъ очень обыкновен-

нымъ, для котораго не спонитъ опасьятъ карточного стола не доигравши роберпа, особенно если игроки находясь au cric, или не узнавши на опытъ, кому достанется большой столовый ремизъ, посвященный какому — нибудь горячимъ игрокомъ.

Говорятъ, что и безпрестанные между тѣмъ почти вышли между тѣмъ изъ употребленія; но это должно разумѣть только о столицахъ Губерній. Въ уѣздныхъ городахъ баловъ нѣтъ и въ поминъ: тамъ существуютъ только одни благородныя ассамблеи, которыя бывають очень и очень сыпны; впрочемъ почему-же Сибирякамъ и не забавляться такимъ вишнимъ образомъ, когда, по словамъ Горация, и самъ спарикъ Капонъ подгрѣвалъ иногда виномъ свою непоколебимую добродѣтель?

Одинъ мой хорошій знакомый, жившій нѣсколько времени въ пѣхъ краяхъ, сказывалъ мнѣ, что вмѣсто вопроса: » гдѣ ты намѣренъ провести сего дня время? « онъ всегда употребляетъ другой: » куда ты понесешь свой желудокъ?... « И это очень кепали, потому что ѣда и питье есть главное и чуть-ли не исключительное занятіе на этихъ званыхъ уѣздныхъ вечерахъ.

Тотъ-же самый пріятель говорилъ мнѣ, какъ одинъ окружный Начальникъ, замѣняя, что почти всѣ дружескія собранія, въ слѣдствіе усиленныхъ пріемовъ, не проходятъ безъ испорій, созвалъ своихъ подчиненныхъ и сдѣлавши имъ сперва выговоръ, прибавилъ попомъ:

— Ужъ вы, господа, лучше и знали-бы просто на балъ, ужинъ и дра-

ку.... По крайней мѣрѣ пусть являлись-бы одни желающіе! «

Резонъ, Ойрсычь!

Но съ этими чиновниками Вакха я удалился отъ своего предмета. Вино веселитъ сердце человеческое, сказать священный Царь - Поэтъ ; пускай же ихъ пьютъ себѣ на здоровье и попомъ являются съ похмѣлья къ своимъ окружнымъ Начальникамъ, для полученія родинельскихъ наставлений,

Имѣя по обыкновенію жилы, полныя вина, которое они выпили наканунѣ.

Виргилій.

ГЛАВА ХЛІ.

Ф И Г У Р Ы.

Боже мой!... Какъ много
заключается въ одномъ меню-
этѣ!

Танцовщикъ Марсель.

— « Кажется, я грущу по пуспо-
му.... » думаетъ Вольдемаръ, опцдыхая
въ углу залы опъ какого-по упомни-

= 145 =

пельнаго панца и пригоповляясь къ
мазуркѣ.

» Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ она могла
не сыскапъ ни бисеру, ни шелковъ,
ни гарусу.... Ужъ если-бы я не нравил-
ся ей, пакъ чпо тогда за извинен-
нiя?... Къ пому-же Иванъ Дминпріе-
вичъ легко могъ бытъ обманупъ дру-
гими на счетъ подарка; но чпо ка-
сается до ея груспи: это ужъ онъ
видѣлъ собственными своими глазами
и нуупъ нѣптъ никакого сомнѣнiя....
Точно!... Точно!... Она не виновата!
Она меня любиупъ!... Чпо-жъ мнѣ
дѣлать? «

— » Ангажируй на мазурку!... Мы
ждемъ тебя! « сказалъ кпо-по изъ
поварищей молодаго Смолянова, уда-
ривъ его по плечу.

— » Сейчасъ! сейчасъ!... « отвѣчалъ
Одна и двѣ. Ч. Ш. 7

Вольдемаръ и невольно улыбнулся, что первое восклицаніе подошедшаго пріятеля такъ рѣшительно показывало ему дорогу исканій, по которой онъ долженъ былъ подвигаться впередъ.... Ранса не была прощена ни къмъ и, разумѣется, что Поэтъ воспользовался эпимъ.

Упоенный своими обманчивыми надеждами, имениникъ вздумалъ—*рискнуть*, по еспь, кончивъ все дѣло вдругъ, по военному: уснувшій духъ кадетской рѣшительности пробудился въ немъ во всей своей силѣ и во всемъ своемъ блескѣ.

Онъ не зналъ, или онъ позабылъ въ это время слѣдующее знаменитое выраженіе Теренція:

»Топъ чрезвычайно ошибается, по моему мнѣнію, кпо воображаетъ,

что насиліе лучше любви утвердить власпъ его.»

Нѣтъ сомнѣній, что намѣреваясь перешагнуть черезъ колею обыкновеннаго хода вещей, онъ не думалъ ни о древнихъ, ни о новыхъ писателяхъ; но въ немъ палилась какая-то невыразимая жажда, удовольствіе порхало передъ нимъ узорчатымъ мотылькомъ и сердце, желая подпрекнупъ его еще болѣе, говорило ему, разумѣется безъ всякихъ книжныхъ справокъ, словами Сенеки, что всякая опасность увеличиваетъ цѣнность удовольствія....

Жребій былъ брошенъ.... Спихъ Овидія оправдался:

» Все дозволенное не слишкомъ вкусно и все запрещенное разжигаетъ наши желанія. «

— » Чшо такое, въ самомъ дѣлѣ? « подумаль Вольдемаръ. » Была не была!... *Вывезеть*—такъ хорошо... «

— » Владимиръ Николаевич!... начинайте! « сказалъ ему ближній кавалеръ, и Поэпъ не успѣль додумать, чшо будетъ погда, если *не вывезеть*.

Туръ начался: чего зѣвать и чшо за разговоры?... Семъ прямо къ дѣлу, на чистопу!... Онъ пожалъ слегка маленькую ручку... Молчатъ!... добрый знакъ!... Онъ по крѣпчѣ, не мнужечко, чупъ-чупъ по крѣпчѣ.

— » Вы шалите, Владимиръ Николаевичъ. «

Воптъ другой-бы проспакъ и спалъ-бы вѣрно считатъ, на его мѣсптѣ, чшо онъ испорчилъ все съ самага начала; но очарованное воображеніе Поэпа со всѣмъ иная спашья, милоспивья государыни, нежели мысли какого-нибудь

нашего брапа... Ему показалось, чшо эти немногія слова были сказаны такимъ нѣжнымъ голоскомъ, съ такою обязапельною ласкою, съ такою улыбною взаимной любви, чшо все это вмѣсптѣ было совершенно равносильно безмерпному по своей знаменитоспи выраженію:

» Продолжайте!... Это намъ приятно! «

— » Непремину! « сказалъ самъ себѣ Вольдемаръ и спалъ дожидатъся новой очереди.

Она пришла, онъ полептѣль, и на эпонпъ разъ сдавилъ какъ слѣдуетъ руку своей дамы.

— » Если вы не переспанете, то я сейчасъ уѣду и никогда нога моя не будетъ въ вашемъ домѣ, « пролепешала Раиса скорымъ шопопомъ.

Куда, подумаешь, иные-то масперски умбюпть высказывать свои мысли сильно, крапко и вразумитель-но!... Напримѣръ, чего не договорено въ эпюмъ маленькомъ *условномъ перюдъ*?... Тупъ еспъ и слово *если*, и слово *то*; пупъ еспъ и *нагало*, и *середина*, и *заключеніе*; пупъ еспъ и *предложеніе* и *выводъ*, который за-ключается въ *выгъздъ* и *непрѣгъздъ*; наконецъ вы даже найдете пупъ и *умолганіе*. »Если вы не переспане-те...« по еспъ: »если вы не пере-спанете пожимать мою руку, по — и проч....« Прощу покорно!... Фи-гура репорическая и фигура мазур-ки въ одно и по-же время: вопъ но-вость!

Вольдемара окапило замѣнатель-спвомъ: пакъ называемья *муранки* побѣжали у него по всему пѣлу. Еле-

еле могъ онъ докончить свой шуръ и по въ какомъ-по меланхолическомъ помѣнательспвѣ чловѣка, пригово-ренного къ смерти. Велѣдъ за пѣмъ ему сдѣлалось дурно и мазурка пре-крапилась.... Онъ едва успѣлъ выд-ти въ садъ и почпи безъ чувспвѣ упалъ въ объятія Ивана Дмитриевича, который, пользуясь темною но-чи, прогуливался по аллеямъ и на эту пору случился подлѣ самой бесѣд-ки.

Удивляюсь, какъ можно упастъ пакъ высоко и не разшибиться въ дре-безги!... Не поспигаю, не могу поспиг-нуть, чпо долженъ чувспвовать че-ловѣкъ, который, какъ казалось ему, былъ пакъ близокъ къ своей цѣли и попомъ увидѣлъ, чпо между нимъ и ею находится неизмѣримое проспран-спво; чпо онъ долженъ подавить всё

свои сладоспнѣйшія надежды; что ему надобно позабыть навсегда самья пламенныя свои желанія... *Навсегда!*... Эпо ужасно!... Эпо невыносимо!... А почему знашь, можешъ бышь эпо и очень выносімо.

— » Чшо съ вами?... Ради Бога скажише мнѣ, чшо пакое съ вами? « говорилъ ему Арскій, когда онъ пришелъ въ себя.

— » Ничего!... Мнѣ теперъ легче!... Я ничего не чувствую!... Но не ухала-ли она домой? «

— » Какъ! развѣ случилось чшонабудь и съ нею? « опвѣчалъ *маленькій теловѣтикъ*, которому послѣ всего, чшо онъ зналъ, очень не трудно было замѣнить безошибочно въ своей головѣ мѣспоименіе *она* собственнымъ женскимъ именемъ.

— » Нѣтъ!... Но я несчастливъ!... Очень несчастливъ, любезнѣйшій мой Иванъ Дмипріевичъ.... Для меня теперъ *все кончено!* «

— » Полноше!... Вѣрно эпо вамъ пакъ кажется. «

— » Не чему шупъ казаться: я увѣренъ, чшо она меня не любитъ. «

— » И вы эпо слышали онъ нее?... И будпо вы спрашивали? «

— » Ни шо, ни другое; однакожъ я почно убѣжденъ, чшо мнѣ нѣтъ никакой надежды. «

— » Ахъ, Боже мой!... Да въ чемъ же дѣло? «

— » Я, глупецъ, сошелъ съ послѣдняго ума и осмѣлился позашъ у нее ручку. «

— » Напротивъ!... прекрасно!... Я не вижу шупъ ничего худаго.... Ну,

вы пожали одинъ разъ, чпо-жь по-помь? «

— » Она молчала, и я пожалъ еще. «

— » Bravo!... Прелеснь!... Вы пожа-жали еще? «

— » И она сказала попихоньку, чпо я шало. «

— » И она эпо вамъ сказала?... И вы послѣ эпого говорите, чпо она васъ не любитъ?... Да помилуйте! можно-ли сказать чпо-нибудь обяза-пельнѣе?... Не уже-ли вы хопите, чпо-бы она съ самага начала спала говирить вамъ: *по крѣпчь! по крѣпчь!*... Эпаго, мой другъ, не возможно пребовашъ ни опъ какой невинной дѣ-вушки. «

— » Я самъ, пакже какъ и вы, по-нялъ эпошъ опвѣтъ въ хорошую

сторону и пожалъ ея руку въ пре-пшій разъ.... «

— » Чудо!... Такъ и слѣдовало!... Какъ-же эпо приняпо? «

— » Чрезвычайно дурно!... Невыбра-зимо скверно!... Она сдѣлалась вдругъ очень серьезною и сказала мнѣ, чпо если я не переспану, пакъ она уѣ-депъ съ бала. «

— » А вы и повѣрили?... Ахъ вы, молодой человекъ! молодой человекъ!... Чпо-жь ей говорите-по иначе, осо-бенно, если размопрѣть основапель-но всѣ побочныя обстояпельства?... Напримѣръ: не улыбнулись-ли вы по-жимая ея руку въ прешій разъ?... «

— » Да!... кажется чпо улыбнул-ся. «

— » Ну, вопъ видите-ли!... Вопъ въ чемъ и шпука!... Въ эпо время ей очень могло показаться, чпо за ва-

ми замѣчаютъ, а развѣ вамъ хочется, чпобы она была предметомъ городскихъ сплетней?»

— » Сохрани Боже! «

— » Такъ какъ-же вы ей прикажете веси себя и чпо она будетъ горворипъ вамъ?... Конечно, она-бы могла сказанъ эпо-же самое какъ-нибудъ иначе, немножко по мягче; да съ близкими людьми не всегда осперещься, не всегда скажешь пакъ, какъ хочешь.... Переспаньше-же малодушничашъ!... Спунайше поскорѣ въ бещьду, чпо-бы не обратипъ на себя слишкомъ большаго вниманія.... Но больше всего, повѣрите моей опытности, чпо въ эпомъ произшествіи нѣтъ ничего худаго, и будите покойны на счетъ исполненія вашихъ сердечныхъ надеждъ.... Не грустите!... Пожалуйшна не грустите!... Увѣрю

васъ моею честію, чпо вы сдѣлали самое счастливое начало. «

— » Ахъ, добрый мой другъ!... Какъ много облегчили вы мои спраданія!... Какъ я вамъ обязанъ за участіе! «

— » Полнопе!... Переспаньше!... Неспѣдно-ли думашъ объ эпокой мелочной услугѣ съ моей споронь?... И чпо я шупъ сдѣлашъ?... я, копорый гопповъ пожертвованъ для васъ жизнью. «

Поэштъ опвѣчалъ на эпо самымъ искреннимъ объятіемъ.... Друзья распались.

Вы конечно повѣрите мнѣ на слово, чпо не смотря на опрадня успѣшенія дружбы, Вольдемаръ былъ очень невесель все время до окончанія бала, особенно, когда онъ замѣпилъ, чпо Ранса всѣми силами спаралась удаляпсь опъ него и даже ни въ одной

копильной фигуръ не выбрала его своимъ кавалеромъ, какъ это дѣлывала она прежде.

Въ три часа онъ проводилъ всѣхъ своихъ гостей и въ половинѣ четвертаго лежалъ уже въ постель и думалъ горькія думы.

Если сказать правду, то надобно признаться, что весьма трудно опдать отчетъ мыслямъ и мечпаніямъ челоуѣка, и *тѣмъ паче* Поэта, находящагося въ подобныхъ обспояпельствахъ.

Душа Вольдемара предспавляла тогда какую-то чудную смѣсь надеждъ и безнадежности, обольспительныхъ *авось* и убійственныхыхъ *нѣтъ*, ожиданій и спраха, мученій и.... Я хотѣлъ было сказать *радости*, но могло-ли даже самое это слово придти ему погда въ голову? А воптъ увидимъ!

Онъ просмапривалъ минувшее; безожно надувалъ самаго себя, перетолковывая все въ пошачку своего сердца, и все плаки, не взирая ни на какія напаяжки, ни на какія плупши ума въ пользу чувспвъ, онъ начиналъ видѣшь, что для предполагаемаго имъ воздушнаго замка любви и счастья у него слишкомъ мало запасныхъ маперіаловъ, да и птѣ очень и очень плохи, чпобы заптѣять прочное зданіе... Однако-жъ, если онъ замѣчалъ такой гореспный недочетъ въ полной смѣптъ, пакъ это еще ни чупъ не значиптъ, чпо-бы онъ вовсе опказывался оптъ поспройки.

Нѣптъ ничего легче, какъ обманушь самаго себя: другому мы повѣримъ не пакъ скоро, особенно если онъ будетъ доказывать чпо-нибудь проппвное нашимъ желаніямъ, или нашему

убѣжденію; но себѣ... это большая разница!... Кто лучше насъ знаетъ вещи?... Кто обсудить предметъ основательнѣе, нежели мы?... Кто скорѣе проникнетъ во всѣ тонкости и безошибочнѣе пойметъ человѣческое сердце?... Все мы.... Да, господа!... Мы съ вами вообще великіе люди!

Сверхъ того Вольдемаръ имѣлъ въ Арскомъ слишкомъ большое подспорье своимъ заблужденіямъ, что-бы оспаривать ихъ навсегда.

— » Она хорошо расположена ко мнѣ; она меня любитъ; но зачѣмъ не любитъ она меня до безумія? « думалъ онъ — и со всѣмъ усиліемъ напрягалъ всю свою мыслительную силу, что-бы отыскивать враждующія ему причины.

— » Я не хорошъ собой, но что значитъ красота мужчины? « говорилъ

Поэтъ, утѣшая себя, и такимъ образомъ, для всякой невыгодной своей спорной, находилъ такое *но*, противъ котораго не было уже никакихъ возраженій.

Однимъ словомъ, результируетъ его погоданинхъ мечтаній, переведенный на чистый Русскій языкъ, значилъ:

» Если она теперь и не очарована мною, но, судя по всѣмъ вѣроятностямъ, это должно случиться въ самомъ непродолжительномъ времени, потому что нѣтъ ничего, чтобы могло препятствовать взаимности. «

Такова была его послѣдняя полу-сонная мысль... Бѣднякъ совершенно забылъ о важности первыхъ впечатлѣній....

Я узналъ послѣ спорною, что корнемъ всего зла, первою и главнѣй-

шею причиною непреодолимой антипатии, быть проклятый дорожный сюрлукъ съ несчастными опворопами.

Какъ послѣ этого поспичь въ странности нашихъ душевныхъ чувствъ!... Вѣдь, кажется, нѣтъ никакой аналогіи, никакихъ существенныхъ opinio-шеній между фантасматическою жизнью сердца и заплатами изъ поношеннаго бархата, а если подумаешь, то есть, если подумаешь и глубоко, и высоко, какъ слѣдуетъ философу-рецензенту, такъ и увидишь много кое-чего невидимаго для простыхъ глазъ....

Охъ эпопѣи мнѣ Екатеринбургскій поршиной!... Узнай-ка Вольдемаръ тогда-же, кто всему виноватъ, да онъ-бы за одного человѣка аркебузировалъ,

то есть разстрѣлялъ весь городъ своими эпиграммами.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ осмѣлился опозорить заплапкою такую грудь, въ которой пеплился священный огонь Поэзіи? Вы сами видите, мои любезные читатели, до чего доведень избранный подозрительными опитѣнками изношеннаго бархата... и какого бархата?... Быть можетъ, что онъ ссавлялъ прежде одежду еще болѣе подозрительную....

О! какъ я несчастливъ! Какъ я несчастливъ.... Одинъ неудачный день похищаетъ у меня всѣ сокровища, всю прелесть жизни!

Лукрецій.

ГЛАВА XLIII.

5 МЯСЯЦОВЪ, 2 НЕДЕЛИ, 2 ДНИ, 23
ЧАСА И 47 МИНУТЬ.

Разумъ, довольный настоль-
щимъ, не любитъ затруднять
себя будущимъ.

Гораций.

Разсказывай я шары-бары, обмора-
чивай я довѣренность читателей ка-
кими-нибудь выдумками, однимъ сло-

вомъ, будь я романистъ, а не испо-
рикъ, и иногда мнѣ было - бы очень
легко описать здѣсь какое-нибудь
очень инпересное происшествіе, буд-
то-бы случившееся шестнадцатаго
или семнадцатаго Юля, или наконецъ
въ самомъ непродолжительномъ времени
послѣ именинъ Вольдемара, но что за
радость слушать небывальщину?...
Истина, хоть она по большой части
и не слишкомъ захѣлива, — хоть
что и дорого и мило.... Она-то и за-
сипавляетъ меня сдѣлать чрезвычай-
но опважный прыжокъ черезъ боль-
шое проспранство времени, по еспь,
ровнѣхонько черезъ пять мѣсяцовъ,
двѣ недели, два дни, двадцать три часа
и сорокъ семь минутъ, сншая отъ
полночи, которая раздѣлила описанное
мною пятнадцатое число Юля отъ
шестнадцатаго, что и придется какъ

разъ въ первое Января, въ исходѣ двѣнадцатаго часа по полудни, въ день Василія Великаго, Архіепископа Кесаріи Кападокійскія.

— » Не уже-ли въ эпопѣ промежуткѣ не случилось ничего особеннаго? « говорятъ мнѣ съ разныхъ споронъ сло двадцать двѣ чипапелъницы и пяць сопъ семьдесятъ при чипапеля... Дѣлаю умспивенный пируэпъ и опвѣчаю во весь голосъ:

— » Ничего! милоспивыя государыни!... Ничего! милоспивые государи! «

Все шлю самымъ обыкновеннымъ порядкомъ.... На препій день послѣ бала, молодой Смоляновъ спалъ по прежнему ѣздипъ къ Беннымъ и преподавалъ шамъ свои лекціи, совершенно безъ всякой пользы во всѣхъ опношеніяхъ.

Ученица его подростала, хорошѣла, формы ея спали уже наливаясь и вяпипно предвѣщапъ всю упоиптельную роскопъ дивныхъ округлоспей, а въ это время, какъ вы сами знаете, въ умѣ дѣвушки начинаепъ мерещипсья совсѣмъ не учипельская ферула... Про взаимныя - же опношенія Рашьки съ Вольдемаромъ нечего и говорить: разговоры ихъ дѣлались день опно дня короче упипнаго носа, пакъ чпо напоследокъ они спрашивали другъ у друга полько объ одномъ здоровьѣ и попомъ въ своихъ опвѣпкахъ поочередно славили Бога.

Чѣмъ больше въ лѣсъ, шѣмъ больше дровъ, говорятъ пословица. Такъ и въ любви. Оробѣепъ разъ и никогда не соберешься съ духомъ; если не досказалъ чего-нибудь сегодня, пакъ завпра не доскажешъ и подавно....

Женщины любятъ въ мушкетерахъ скромность, а не робость: съ ними не сделаешь ничего безъ рѣшительности.

Обдумавши все, надобно подойти къ любимой особѣ съ нѣкоторою самоуверенностію и сказать напрямки:

— » Сударыня!... « или: » милостивая государыня! « или: вопль *такъ и то*, напримѣръ: » Авдотья Алексѣевна... я васъ люблю!... я васъ очень люблю!... я васъ обожаю!... Пожалуйте обожайте меня! «

Она взглянетъ на васъ и — покраснѣетъ, или она взглянетъ на васъ и — захохочетъ.

Во всякомъ случаѣ вы не должны робѣть; повпорице первое свое восклицаніе и прибавьте самымъ рѣ-

шительнымъ, самымъ торжественнымъ голосомъ:

— » Да или нѣтъ? «

Я не могу увѣрить, что она отвѣтитъ вамъ на это, но по крайней мѣрѣ вся исторія кончится въ два мига.

Боже мой! какъ легко подавать совѣты!...

Не догадавшись сдѣлать подобной масперской выходки, Вольдемаръ долженъ былъ сидѣть у моря и ждать погоды... Онъ, какъ говорится, расперялся... Письмо Арскаго, полученное имъ въ Тигиретской долинь, завлекло его слишкомъ далѣко въ преслѣдованіе Раисы. Попомъ этъ бѣдспвенныя *фигуры* доканали его какъ не льзя болѣе: онъ сдѣлался разсѣянъ, грустенъ и — молчаливъ. Чуть — ли только не въ Сентябрѣ спохватился

онъ, что поэтическия его понятія о любви къ Бениной, позволяли ему вести самую спраспную переписку съ Лизою; но писать въ Сентябрѣ, значило все равно, что не писать, потому что милая названая сеспрё-ночка просила его послать свой опъльть *непрелмьнно* съ первой-же почтой, или много-много что со впо-рой.

Конечно, это *непрелмьнно* пребова-лось полько одною пламенною и неперпльивою привязанностью сердца; но пропустивъ около десяти почтъ, было поспупкомъ совершенно непро-спипельнымъ и пакимъ дѣломъ, ко-пораго никакъ не возможно попра-вить.

Эта убійспвенная невозможность еще болѣе распроцвала молодого

Смолянова.... Спарикъ опецъ замѣ-пиль перемену въ своемъ сынѣ, без-покоился, спрашивалъ и, разумѣп-ся, не узнавалъ ничего, какъ водип-ся... Рѣдко, очень рѣдко случается, что-бы дѣпи, не смопря ни на какую довѣрренность, ни на какую любовь къ своимъ родипелямъ, признавались имъ въ своихъ сердечныхъ пайнахъ, осо-бенно опцамъ.

Перешедши поле жизни и забывая наши первые шаги, наши собспвен-ныя заблужденія, или по холодноспи своей считая пылкую исключитель-ную любовь пакою слабоспю, копо-рая чрезвычайно мѣшаепъ усйхамъ въ свѣпль и существеннымъ выгодамъ молодого человека, мы говоримъ въ первомъ случаѣ, что эта спрасп — еспь *глупость*, и во впоромъ, что она — еспь *зло*.

Пріяпно-ли-же послѣ этаго, кому-бы то не было, на простодушныя изліянія своихъ пламенныхъ, незамѣнимыхъ чувствъ, копорыя кажутся погда выше всего земнаго, получить какой-нибудь вовсе ужъ невычурный опивѣтъ.

— »Послушай, брагъ: выкинь — ка ты изъ головы эптогъ вздоръ и займись тѣмъ, что можетъ принести тебѣ пользу.»

Зная, какъ могутъ огорошить подобныя слова, дѣши приманивають и такимъ образомъ все идегъ своимъ порядкомъ.

Вольдемаръ въ свою очередь принялъ на равнѣ съ другими шу-же сие-пему приманиванія — и спрадалъ.... Люби онъ или одну только Рансу, или одну только Лизу, погда, безъ

всякаго сомнѣнія, имѣя добрую и нежную сестру и двухъ такихъ благопріятелей, которые казались ему искреннѣйшими и примѣрными друзьями, — онъ опкрытъ-бы имъ всю свою душу, разобрать-бы передъ ними все до послѣдней ниточки и ужъ конечно очень-бы облегчить эпитъ свое горе.... Если умъ хорошо, а два лучше, то что-жъ-бы сдѣлали погда чепыре ума? — Да это вышлись-бы чудеса въ рѣшетѣ: все-бы они придумали, все-бы они предусмотрѣли — и Раиса не отвернулась-бы ни за что.

Но любить двухъ прелестныхъ дѣвушекъ вдругъ и какъ любить?... соединяя ихъ въ одно фантасмическое цѣлое... нѣтъ, господа!... для яснаго уразумѣнія подобныхъ вещей надобно, чпобы душа другаго была наспроена совершенно одинаково съ нашею, чпо-

бы на малѣйшій, самый упопченный, звукъ одной, другая въ ту же минуту опвѣчала звуками равносильными; надобно, что-бы сердечныя гаммы вполне гармонировали другъ другу; что-бы ни одна нота не ускользала отъ внимательнаго слуха... Однимъ словомъ, что-бы постигнувъ и оцѣнивъ Поэта, необходимо имѣть самому рѣшительно-поэпическое направленіе духовныхъ способностей, а этого-то и не предполагалъ нашъ влюбленный бѣднякъ въ прехъ близкихъ къ нему людяхъ... Какъ-же рѣшились на безусловную довѣренность?... И развѣ не были-бы тогда всѣ слова его гласомъ чловѣка, вопиющаго въ пустыне?... Какая-же снапь рассказывать безъ пользы?... Повпору: Вольдемаръ поэпизировать, молчалъ и спрадалъ.

Что-же подѣлывалъ почтеннѣйшій

и любезнѣйшій Иванъ Дмитріевичъ съ Юля и до Января?... Почему онъ, имѣя сладоспную и опрадную возможность забыться хоть-бы и не на минуту въ лонѣ дружбы, не раздѣлялъ съ нею своего горя, не повѣрялъ ей своихъ тайнъ, какъ объ эпомѣ изволилъ онъ писать къ Вольдемару?

Читатели мои должны были принимать его по сію пору за плута, который любить и умѣеть подольспить и подмазать; за чловѣка, который видипть чужія слабія споронны, живыя спруны, и не пропускаетъ случая задѣвать ихъ въ свою пользу... Но всего эпаго очень еще недоспапочно для полнопы его порпрепа: время и обспоятельствва дорисуютъ оспальное самыми яркими и вѣрными красками, а теперь я прибавлю покуда, что онъ былъ плути

тонкий и следовательно расчётливый и дальновидный.

Получивъ отказъ Любиньки, Арскій и не думалъ поперялть надежды... Когда возвратился онъ опять Смоляновыхъ домой съ приспавленнымъ носомъ, то первую его мыслью была пословица, что вода долбитъ и камень: на ней-то основалъ онъ всѣ свои планы относительно впоараго брака.

— «Главное (думалъ онъ), надобно быть грустнымъ, или, лучше сказать, помнымъ — *въ лиру*; потому посполно продолжалъ дѣлать всѣ возможные услуги — по-же *въ лиру*; наконецъ пользоваться всеми возможными случаями для выпавки себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ — и опять таки *въ лиру*, что-бы всѣ эти при

средства не сдѣлались припорными онъ измисспва и не потеряли — бы своей цѣнности.»

Расчетъ, какъ вы сами видите, очень вѣренъ... Разумѣется, что такое поведеіе говорило — бы за него:

» Мнѣ отказано и я грущу, я несчастливъ; но не смотря на вашу холодность, я не перестаю любить васъ, потому что эта любовь соспавляетъ главнѣйшую часть моего существованія: я жертвую для васъ всѣмъ на свѣтѣ; я готовъ дѣлать, что вамъ угодно; и сверхъ того, посмотрите только, полюбуйтесь, какой я добрый, какой я хороший, какой я благородный!»

Все это вмѣстѣ пронуло-бы хоть кого!... Точность выполнения подобныхъ правилъ со стороны плуповъ,

весьма часто поддѣваетъ на удочку честныхъ людей, при всей ихъ благо-разумной оспорожности.... Последніе, по добротѣ своего сердца, или не помнятъ спараго, или ошибочно предполагаютъ исправленіе и радуются безъ всякаго припворспва мнимымъ счастливымъ переменамъ.

Арскій дѣлалъ пакъ, какъ думалъ.... Онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ Смолянову, если только плусть можешь имѣть даже понятіе о романической любви.... Впрочемъ, конечно родство съ Начальникомъ было для него гораздо важнѣйшею спашьею, нежели всѣ сердечныя расчеты.

Съ искусствомъ, съ перпѣніемъ, съ разсудительною наспойчивостію шелъ онъ шагъ за шагомъ къ своей цѣли, и должно сказать правду, что черезъ мѣсяць или черезъ два послѣ извѣ-

спнаго сваповспва, Любимька спала обходиться съ нимъ по прежнему, по еспь привѣпливо, ласково, какъ съ другомъ дома, будпо ничего не бывало.... Иванъ Дмипріевичъ видѣлъ свои поспепенные успѣхи — и выжидалъ. Такъ гили его дѣла въ продолженіи цѣльхъ пяпи съ половиною мѣсяцовъ, о копорыхъ я сказалъ.

Что-жь касается до опкровенности съ Вольдѣмаромъ, или говоря по-чнѣе, до рѣшипельной просьбы объявномъ ходапайспвѣ, по хотѣвши было сдѣлать это сначала, онъ передумалъ въ послѣдствіи.... Арскій очень хорошо зналъ привязанность къ себѣ молодаго Смолянова, но онъ также былъ увѣренъ въ его неперпѣливости, въ неопытности и, что всего хуже, въ неумѣніи приниматься за дѣла

пакого мудренаго рода... Резульпациономъ эпои увѣренности было молчаніе, а Вольдемаръ и самъ имѣлъ слишкомъ много собственннхъ горестей и былъ черезъ-чуръ разспроенъ, что-бы занимался чужими несчастіями и выспрашивалъ чужія тайны.

Теперь, по порядку вещей, намъ надобно поговорить о Бѣльскомъ.... *Восковий человекъ* былъ на равнѣ съ другими сынъ грѣха и плоти. Занятый въ печеніи цѣлаго дня должностными дѣлами, онъ опть утира и до вечера не помнилъ о своемъ одиночествіи; но приходя домой и встрѣчаясь тамъ только съ одною Анной Васильевной, онъ грустилъ по неволѣ и уже безъ всякихъ шутокъ.... Возвращаясь изъ своего путешествія вмѣстѣ съ Вольдемаромъ, онъ увидѣлъ, что смерть его жены давно позабыта всѣми, и

что слѣдственно ему не нужно имѣть слишкомъ поспное лицо. Пяти или десяти минутиная практика передъ зеркаломъ выбрала и утвердила *новую форму*, съ которой онъ почелъ личнымъ показываться въ люди.

Въ Августѣ его полукислая физіонмія стала появляться въ обществахъ. Въ Септябрѣ мысль о новой женихѣ такъ сильно врѣзалась въ его голову, что не давала ему покою; въ Октябрѣ онъ обривизовалъ прощательнымъ своимъ окомъ весь прекрасный полъ цѣлаго города и наконецъ выборъ его палъ на Александру Яковлеву, эпту милую, іпомную, богомольную вдовушку, которая оппреклась опть всего жинейскаго, опть всего, что пахнетъ грѣхомъ и соблазномъ.

Такая неожиданная смѣлостъ выбора дѣлаетъ конечно очень много чести

предпримчивому духу Василья Пепровича: подвигъ былъ шрудень; но рѣшившись однажды, Бѣльскій началъ дѣйствовать какъ слѣдовало чловѣку искусному.

Праздничные его визиты къ спарикау Бенину скоро и непримѣнно превратились въ частыя посѣщенія, а эти послѣднія сдѣлались наконецъ дружескими бесѣдами.... Овладевая все больше день ото дня довѣрчивымъ умомъ спарика и обольщая всѣми средствами его просподушїе, онъ въ по-же время не пропускалъ ни чего, что-бы обратиться на себя исключительное вниманіе вдовушки.

Онъ изпощаль все свое подъяческое остроуміе, любезничалъ, волочился, дѣлалъ подарки, заставлялъ бѣдную свою малюпку цѣловать безпрестанно

ручки Александры Яковлевны, однимъ словомъ, онъ дѣлалъ все, что могъ — и едва-ли безъ успѣха.

Въ началѣ Декабря эпопѣ сердобольный предметъ пламенной спраспи Бѣльскаго, полюбилъ со всею маперинскою горячностію его маленькую дочь, которую тогда-же перевезли въ домъ Бениныхъ, *что-бы имѣть при-смотреть за бѣдненькой сироткой.*

Все шло для восковаго чловѣка какъ не лзя лучше: эта перевозка дочери послужила ему предлогомъ бывать ежедневно у своей возлюбленной и замѣчать, какъ много и какъ нѣжно ласкають его полспенькое чадо, по крайней мѣрѣ при немъ; а ласки вдовушекъ къ дѣтямъ молодыхъ вдовцовъ, почти никогда не разсыпаются спроспа.... Онъ говоритъ:

» Посмотри, какъ я люблю свое дитя!... Мнѣ кажется будто онъ мое собственное: такъ оно мило моему сердцу!... Взгляни!... Видишь-ли, какъ я цѣлую его: это значитъ, что я цѣлую въ немъ себя, друга души моей! «

Тутъ воображеніе мое составляетъ цѣльнй разговоръ.

— » Что-жъ изъ этого слѣдуетъ, милоспивая государыня? « спрашиваетъ у нее глазами молодой вдовецъ.

— » Какъ что? « отвѣчаетъ также вдовушка. » Свапайся за меня. «

— » Но вашъ черезъ - чуръ скромный видъ?... «

— » Ничего не значитъ! «

— » Но вашъ облыъ набожности и цѣломудрія?... «

— » Дудки, мой любезный!... Дудки — и больше ничего. «

— » Но вы опказали одному, двумъ, тремъ?... «

— » Я молода, я хороша, я шалила; пы-же пришелся мнѣ по сердцу; пользуйся скорѣе моимъ расположеніемъ. «

— » Слушаю-сь! « воскликнуть Василій Пепровичъ и не дѣлать ничего, потому что подобнаго разговора никогда не бывало, и если онъ зналъ что-нибудь, такъ онъ зналъ это слишкомъ гадапельно, чтобы рѣшиться сдѣлать послѣдній шагъ.... Къ тому-же, встрѣчаясь у Бениныхъ почти каждый день съ Вольдемаромъ, онъ очень хорошо видѣлъ, до какой степени почтенный отецъ семейства любилъ молодаго Смолянова и какъ велика его довѣренность къ нашему герою.... Разумѣется, что онъ намомпалъ себя на усь подобнаго замѣчанія

и рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ опкрыться своему другу, посовѣтоваться съ нимъ и попросить его замолвить доброе слово.

Здѣсь я кончаю свой короткій рассказъ о длинномъ промежуткѣ.... Чипашели мои конечно имѣютъ теперь обо всемъ весьма полную идею.

Передъ ними находясь при главнѣйшихъ дѣйствующихъ лица съ ихъ различною любовью, съ ихъ намѣреніями и желаніями.... Каждый изъ нихъ выбралъ себѣ особую дорогу для достиженія своей цѣли: послѣдствія покажутъ, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ; но по доставленнымъ мнѣ свѣденіямъ, я могу сказать утвердительно, что прицѣпъ перваго Декабря все они были въ самомъ дурномъ расположеніи духа: одному наскучило бездѣйствовать и не знать своей участи; другому наскучило при-

творяться грустнымъ и во всехъ отношеніяхъ примѣрнымъ человѣкомъ; третьему наскучило волочиниться, любить и безпрестанно колебаться между большими надеждами и большими справами, потому что вдовушка могла же посовѣститься измѣнить своимъ кляпвамъ не принадлежащъ рѣшительно ни кому и рѣшительно никогда.

Правду говорящъ, что на всякаго мудреца по глупости. Такъ и съ Бѣльскимъ: чудакъ-по вѣрно позабылъ, что гдѣ клятва, тамъ и преступленіе; иначе чего-бы ему прусить?

Въ такомъ положеніи находились при друга, когда наступилъ новый годъ.... Грусть, скука, непертыіе и желаніе скорой развязки, все это овладѣло ими въ высочайшей степени.

Разумъ ихъ не былъ доволенъ наспоющимъ и оправдывая отрицатель-

но слова Горація, они удивительно какъ много затрудняли себя будущимъ.

Наконецъ судьба доставила имъ случай поговорить — откровенно, обсудить дѣло — здраво, раздѣлить призывы — по любовно, рѣшить задачу обстоятельно — благо разумно и кончить все за одинъ приемъ — прекрасно!

Впрочемъ и пора!

Любовь слишкомъ долго наполняла дни мои горестію.

ФЛОРИАНЪ.

ГЛАВА XLIII.

ВАКХАНАЛІЯ.

Когда человекъ напьется вина, все члены его шатаются, шло его качается, языкъ косяется: потопивши свой разумъ, вращая глазами, онъ только горланитъ, бушуетъ и всякую минушу икаетъ.

ЛУКРЕЦІЙ.

Надобно опадать справедливости, что жители города Т..... въ иныхъ вещахъ не уступаютъ ни на во-

лось даже и самымъ жипелямъ сполницы.

Напримѣръ, по всѣмъ днямъ, въ которыя *Судебныя мѣста отъ присутствія, а училища отъ ученія свободны*, (хотя, если сказать по секрету Господамъ Календарщикамъ, ни училища не учатся, ни судебныя мѣста не присушествуютъ), по всѣмъ этимъ днямъ, они на ряду съ другими никакъ не могли придумать, чѣмъ-бы заняться по умѣ обыкновенной безполковой скачки изъ дому въ домъ, чптобы развозить поздравленія съ *новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ*, или съ какими нибудь другими обвѣщальными вещами.

Такимъ образомъ въ исполненіи недѣлаго обычая прошло цѣлое утро.... Обѣдали у спарика Смолянова; вечеръ

положено было провести у Василья Петровича, какъ у именинника.

На обыкновенный холостой вечеръ собираются шамъ всегда въ пять часовъ, чпто-бы напиться чайку, хватить пуншику и поиграшь въ карпочки, или чпто-бы хватить чаю, напиться пуншу и проиграшь въ карты.

Такъ было и въ этотъ разъ: сошлись, хватили, схватились—и разѣхались.... Часы пробили при четверти двѣнадцатиго и когда минувшая стрѣлка показывала сорокъ семь минутъ, тогда у веселаго хозяина оснавалось только двое веселыхъ госпей: Арскій и Смоляновъ.

До эпои сорокъ седьмой минулы все было дѣломъ обыкновеннымъ, объ которомъ не стоило пересказывать, но начиная отъ нее, каждое слово имѣетъ свой вѣсъ, каждый шагъ — свое на-

мѣрение, каждое движеніе — свою
цѣль... Мы увидимъ, чпо эпа ночь
рѣшила участь многихъ.

— » Куда эпа ты Вольдемаръ? Ар...
Не спыдно-ли шебъ?... Развѣ мы не
успѣемъ проспаться? Присядь немно-
жко: вопъ черезъ чепверпъ часа по-
ѣдемъ пожалуй вмѣспъ! « кричалъ Ар-
скій, развалившись безъ фрака на ди-
ванѣ.

— » Нѣтъ, брапъ, Иванъ Дмипріе-
вичъ! пора!... Вѣдь пы знаешь, чпо
мы вспаемъ рано и чпо бапюшка
не любитъ, когда кпо-нибудь изъ
домашнихъ заспится. «

— » Вздоръ!... Опъ завпра будетъ
заняпъ и не узнаепъ. «

— » Да чего пупъ полковапъ: пы
не уѣдешъ опъ насъ, если полько
любишь меня—имениника и хозяина, «
прибавилъ Бѣльскій.

— » Точно!... Точно! « провозгла-
силъ *маленькій те ловыгикъ*; » когда ужъ
онъ не исполнитъ эпакой. пускач-
ной просьбы, пакъ чпо — же мы за
друзья? «

— » Извольте: я оспаюсь!... Толь-
ко, господа, съ уговоромъ, чпобы весь
опвѣпъ лежалъ на васъ. «

— » Ну да разумѣется!... чпо и го-
ворипъ!... Я самъ съѣзжу поупру къ
Николаю Ивановичу и взваю все на
себя; если онъ разсердился, пускай
себѣ задаетъ мнѣ гонку. «

— » Вопъ эпа дѣло другое; а по я
очень не люблю, когда онъ смоприпъ
на меня изкоса. «

— » Да, пфу къ чорпу!... Скажи
полкомъ: оспаешся чпо-ли? « подхва-
пилъ Арскій.

— » Вѣдь я сказалъ, чпо оспаюсь. «
Одна и двѣ. Ч. III. 9

— » Вонь умникъ!... Спасибо тебѣ!... Бросай-же шанку! «

— » Bravo!... Фраки домой!... « кричалъ Бѣльскій. » Ей! Сѣмка!... Шампанскаго!... Кружку!... Живо! «

Черезъ двѣ минуты бубнылки какъ не бывало. Полураздѣтые друзья обнялись и усѣлись на диванѣ.

— » Послушай, Вася, вонь хорошо-по! « сказалъ Арскій приподнимаясь немного. » Мы съ тобою говоримъ ты Владиміру Николаевичу, а сами и не подумаемъ, нравился-ли ему эпакая коропкосить? «

— » Кто-же виноватъ: вѣдь ты началъ — и я пуда съ полудурья. «

Вольд. (вскакивая и обращаясь къ нимъ.) » Постъ эпаго я не хочу бытъ съ вами ни минуты!... Чпо эпо вы, смѣнесь чпо-ли надо мною?... Развѣ я не опвѣчалъ вамъ нѣмъ-же?... Вѣр-

но вы сами расхѣпали, да и спохватились? «

Ив. Дм. » Чпо ты?... Полно!... Полно пожалуйста!... Только не сердись ради Бога! «

Вольд. » Я разсержусь безъ шупокъ, если кпо нибудь изъ васъ хопъ заикнется объ эпомъ. «

Вас. Пет. » Ахъ, милый Вольдемаръ!... Чпо за предобрая, право, душа! Такъ ты хочешь сблизиться съ нами еще больше?... А? «

Вольд. » Хочу!... Опъ всего сердца хочу!... Я люблю васъ обоихъ... я, господа — каденъ, и для меня несносны всѣ эпи вычурныя вы, васъ, да-съ... Къ чему они годны между пріятелями? «

Вас. Пет. » Скажи лучше: между друзьями. «

Ив. Дм. » И еще между такими друзьями, какъ мы! «

Вольд. » Именно!... Вошь это по моему!... А по ужъ что за дружба съ эшимъ *выканьемъ*?... Ну его совсѣмъ! «

Ив. Дм. » Люблю! Ну его къ чорну! «

Вас. Пет. » И такъ — всегдашнее ты? «

Вольд. » Непремѣнно!... Непремѣнно!... И кпо измѣнишь слову, тому да будетъ стыдно! «

Ив. Дм. и Вас. Пет. » Славно!... Прелесть!... Чудо! «

Вольд. » По рукамъ, господа!

Ив. Дм. и Вас. Пет. » По рукамъ! по рукамъ! «

Ив. Дм. » Поклянемся-же бышь вѣчными друзьями! «

Вас. Пет. » Клянусь всѣмъ, что есть святого, и припомъ какъ честный и благородный человекъ! «

Ив. Дм. » Клянусь прахомъ моею неоцѣненной жень! «

Вольд. » А я своею честью!... Сожмемше-же руки! «

Ив. Дм. и Вас. Пет. » Сожмемъ!... Сожмемъ! «

Вас. Пет. » Сѣмка!... Проворно, каналья!... Шампанскаго!... при бупыльки!... Понимаешь-ли, плушь: при бупыльки Шампанскаго?... Ну-ну-ну!... пошевеливайся!... Вошь такъ!... Убейся со своимъ шпопоромъ: подайка лучше большія пожницы!... Видишь-ли: хлопъ! — и вся не долга!... Берн-ка, Володя!... Еще хлопъ!... На, Арскій! капай, не спрашно!... А вошь еще хлопъ — это ужъ мнѣ!... Теперь чокнемся!... Да здравствуемъ нашъ

дружеской союзъ!... Пей по всей!...
Буль-буль-буль-буль!»

Ив. Дм. и Вольд. Да здравствуетъ!
» Да здравствуетъ!»

Вас. Пет. » Ура!... Bravo!... Слушай
команды!... Бублики объ печь: разъ,
два, три! Лихо!... Люблю ребята!»

Вольд. » Ай да Вася!... Да я, братъ,
и не ожидаю отъ тебя такой пры-
тки: ты парень хоть куда, когда по-
дольешь немножко за галстухъ.... А
вѣдь смотришь такимъ смиреннымъ:
пище воды, ниже правы.»

Ив. Дм. » Э! да ты его еще не зна-
ешь: это не человекъ—а чудо!»

Вас. Пет. Гдѣ намъ - съ?... Мы
такъ-съ, ничего: мы дураки-съ!... Мы
только слушаемъ, какъ распеть пра-
ва!»

Ив. Дм. » Смалчивай! сарафанъ куп-
лю!... Однако-жъ, воля пивоя, Вася, а

я тебя завидую.... Чпо за счастли-
вецъ, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь надобно-
же, чпо-бы непременно въ пивоя име-
нины мы такъ хорошо сошлись съ
нашимъ любезнѣйшимъ другомъ!... Отъ
чего-бы не быть этому въ моемъ
домѣ?... Я и теперь не слышу подъ
собой земли отъ радости, — чпо-жъ
было-бы тогда?»

Вас. Пет. » Вотъ по-по и есть,
братецъ: вѣрно ужъ такъ написано
мнѣ на роду!»

Вольд. » Ну, друзья!... Если вы лю-
бите меня хоть въ половину про-
тивъ пого, какъ говорите, такъ я
долженъ считалъ себя благополучнѣе
всѣхъ на свѣтѣ.»

Вас. Пет. » Какъ?... сомнѣваться?...
На чпо-жъ это похоже?... Эй, Сѣмка!
подавай Шампанскаго!»

Ив. Дм. » Именно!... точно!... резонъ!... Что за сомнѣнія?... Развѣ мы обманщики?... Вошь за наказаніе и пей Шампанское. «

Вольд. » Не въ силахъ, господа! «

Ив. Дм. » Намъ что за дѣло: пей! «

Вольд. » Да не куда лишь. «

Ив. Дм. » Все равно — пей! «

Вольд. » Я не буду пить одинъ. «

Вас. Пет. » Не бойся: знай только пей, — ужъ мы не опстанемъ. «

Бузылка обошла кругомъ и пустая улепѣла въ уголъ.

Ив. Дм. » Дѣльно и благородно! Ахъ, какой день!... Я съ роду не бывалъ такъ веселъ и такъ счастливъ!... Теперь, знаете-ли что? Вѣдь теперь мы настояще, истинные, вѣчные друзья, неправда-ли?... А? «

Вас. Пет. и Вольд. » Разумѣется! А что не ужъто пить? «

Ив. Дм. Спало бытъ у насъ не можетъ бытъ другъ опъ друга ни какихъ пайнъ? «

Вас. Пет. » Гдѣ-же видано, чпобы друзья имѣли между собою какіе нибудь секретны? «

Ив. Дм. Ну, хорошо-же!... Такъ выпьемъ за здоровье пѣвхъ, кого мы любимъ. Согласны-ли вы? «

Вас. Пет. (одинъ во все горло).
» Согласны! согласны!... Сѣмка!... Три бузылки Шампанскаго!... Чпо-жъ разинулъ ротъ, дурачина?... Сносн долой горлышки!... Э! да какой-же ты осель, какъ я посмотрю на тебя!... Не умѣешь и взяться... Давай сюда!... Смотри—и учись! Видишь-ли: вошь разъ! — это сму; вошь два! — это вошь этому; вошь три! — а это опять-таки мнѣ... Понялъ-ли, мерзавецъ?... Убирайся-же пуда, откуда пришелъ!...

Ну, Ваня, ты выдумалъ, ты и начинай. «

Ив. Дм. » Разумѣется!... Слушайте, господа, и посмотрите только, какъ я масперски хвачу безъ отдыха все до дна.... За здоровье *моей* прелесной *Любиньки!*... Взгляните-же: осталась-ли хоть капелька?... Теперь, Вася, твоя очередь. «

Вас. Пет. » Изволь!... Я и самъ, братъ, не ударю лицомъ въ грязь: у меня только держись.... За здоровье *Сашиньки*, *моей* ненаглядной вдовушки!... Чпо?... Каково? «

Ив. Дм. » Славно!... Ну-ка, Вольдемаръ, подними-ка свою бубылку. «

Вольд. » Съ радостію, друзья!... Здоровье очаровательной *Лизаньки!* «

Ив. Дм. » Постой! постой!... шалишь! Не въ ту силу!... Съ нами хи-

тришь нечего: пей за кого слѣдуетъ! «

Вольд. » Но вѣдь вы знаете, что я люблю Лизу.... Какая-жъ штука хипросить? «

Ив. Дм. » Да, это правда: ты любилъ ее, а теперь въ твоей головѣ сидитъ Ракса Бенина.... Ужъ не скажешь-ли ты, что это вздоръ? Пей-же за ея здоровье! «

Вольд. » Чпо мнѣ за охота записаться передъ вами?—Я иочно люблю ее, но я по прежнему люблю и свою Лизу.... Если ужъ дѣло пошло на опкровенность, такъ я расскажу вамъ всю правду.... Какъ-бы только располовать это вамъ по понятію?... Да хоть видите-ли: я обожаю Лизу, обожаю и Раису; но для васъ это два лица, для меня одно.... Когда я думаю объ Бениной, такъ это значитъ, что

я думаю объ Букшиной — и на обо-
ропъ... Душа моя, по ёсть сердце
мое, привязано равно къ объимъ... Я
не могу бытъ счасливъ, не предста-
вляя ихъ въ какомъ — по паниспвен-
номъ, волшебномъ слиянн, по еспь
въ соединенн, безъ копорого..... или
лучше сказапъ, въ копоромъ не мо-
жетъ бытъ ни какого раздълена
безъ собспвенныхъ монхъ поперъ,
попому *во вторыхъ*, что опъ эпа-
го убавипся половину моего благоден-
спивя... или, говоря яснфе... монхъ
неземныхъ претребованнй... и *въ треть-
ихъ*... Ну, да эпаго довольно... Вы
должны пеперъ понимапъ, что дѣ-
лаепся въ моемъ сердць.

Ив. Дм. » Все такъ, любезный Во-
лодя... Все эпо сказано очень умно
и очень замысловапо, полько пеперъ

пы долженъ пипъ за здоровье Раннъ-
ки и сказапъ, что пы ее любипъ. «

Волд. » Люблю Рансу Яковлевну и
пью за ея здоровье! «

Вас. Пет. » Опяпъ не по!... Валяя
просто: за здоровье Раннъки! «

Волд. » Пускай будетъ по ваше-
му!... За здоровье миленькой Раннъ-
ки! «

Ив. Дм. и Вас. Пет. » Bravo!... Бра-
во! Обними насъ! «

Тупъ пошли поцѣлуи, объяпнй.
Смоляновъ бросился въ уголь дива-
на... Арскнй слѣзъ попихоньку, спалъ
передъ нимъ на колѣна и началъ цѣ-
ловапъ его руку... Въ головахъ вер-
пѣлось; въ глазахъ прыгали мальчи-
ки.

Ив. Дм. » Теперь, дружище Володя,
последняя моя просьба... Я не ошой-
ду опъ пвоихъ ногъ и не выпущу

пвоей руки, покуда пы не дашь мнѣ своего согласія. «

Вольд. » Не хорошо, брапецъ; вспань пожалуйца! «

Ив. Дм. » Пыпъ!... Чпо я сказалъ разъ, такъ эпо свящо!... Послушай!... Ты знаешь, чпо я люблю пвою сеспру: помоги мнѣ! похлопочи за меня... уговори ее согласиться на мои предложенія! «

Вольдемаръ сдѣлался въ половину презвѣ: родспвенныя чувспва громко заговорили въ немъ.

Вольд. » Чпо-о?... Не хочешь - ли пы, чпо-бъ я продать свою сеспру за нѣсколько бупымокъ Шампанскаго? «

Ив. Дм. » Боже мой!... Не спыдно тебѣ обижать меня?... Кпо - жъ говорилъ о продажѣ?... Скажи мнѣ спер-

ва: кѣмъ пы счипаешь своего друга? «

Вольд. » Добрымъ, умнымъ и благороднымъ человекомъ; да вѣдь пы свапаешься не за меня: тебѣ надобно самому переговорить съ сестрою. «

Ив. Дм. » Я ужъ поговорю, полько и пы передай ей свои мысли обо мнѣ... Вотъ единспвенная моя просьба. «

Вольд. » Изволь, опъ чего-жъ и не такъ!... Тупъ я не сдѣлаю ничего пропивъ совѣспи, попому чпо я почно увѣренъ въ тебѣ. А чпо будетъ послѣ, такъ эпо ужъ зависить не опъ меня. «

Ив. Дм. » Безцѣнный, милый Вольдемаръ!... Ты возвращаешь мнѣ жизнь!... Я знаю, какъ любить тебя пвоя сеспра и начинаю думать, чпо я буду счастливымъ... Позволь мнѣ

разцѣловать пвои ручки... Какъ хорошо имѣшь такихъ искреннихъ друзей! «

— » А я - по что - жъ за дуракъ? «
сказалъ Бѣльскій, спановаясь пакже на колына. » За чѣмъ я пропускаю удобный случай попросить нашего добраго Володю, что - бы онъ замолвилъ и за меня хопъ одно словечко... Голубчикъ пы мой!... Будь роднымъ опцомъ!... Разхвали меня спаруку Бенину!... Чложъ пы молчишь?... А?... Не уже-ли пы не хочешь одолжить меня по гробъ? «

— » Скажу, скажу!... будь увѣренъ! «

— » Ахъ пы мой благодѣтель!... Эй! пы... живописное!... Три бубылки Шампанскаго!... Обними-же насъ!... Проворнѣ мерзавецъ! «

Карпина была очень не дурна. Жаль, что шупъ не случилось Biolly

съ его эпиграмматическою киспью!... Два Коллежскіе Ассесоры спояли на колынахъ и цѣловали руки Вольдемара... Поэтъ, прикачиваясь немного, обнималъ качающихся своихъ друзей... Маленькій Сѣмка споялъ у дверей въ большомъ спаромъ фракъ своего барина и держалъ при бубылки: двѣ подь-мышками и одну въ рукахъ... На полу лежали спеклянныя осколки и лоскупки изодранныхъ картъ... Свѣчи нагорѣли... Нѣсколько разбиныхъ изразцовъ довершали эффектноспь вакханалии.

Наконецъ несчастное Шампанское было въ половину разпино, въ половину выпино, и тогда Вольдемаръ, позабывши, что опъ эпаго во вторыхъ можетъ убавиться половина его благоденспвія, попросилъ своихъ друзей, что - бы и они въ свою очередь

похлопотали объ его пользахъ....
Нечего и говорить, какъ Арскій и
Бѣльскій разсыпались въ кляпвен-
номъ пустословіи, что они гоповы не
только спарались всѣми силами о
его счастья, но съ радостію по-
жертвуютъ даже своею жизнью, если
это будетъ нужно. Поэтъ снова об-
нялъ своихъ друзей, друзья снова об-
няли Поэта и пѣть кончилось первое
число Нового Года; но чѣмъ-то кон-
чится самый годъ?... Это еще не из-
вѣстно!

Всѣ сіи вещи непроницаемы
для человѣческаго разума.

П л и н і й.

ГЛАВА XLIV.

МАТЬ НАДЕЖДАМЪ.

То, что почиталось прежде
порочнымъ, составляетъ нра-
вы наспоющаго вѣка.

С е н е к а.

Если послѣднія минуты хмѣльнаго
новогодья завязали дѣло не на шутку,
по вторый день Января развязать
очень многое.

Началось шѣмъ, что въ половинѣ одиннадцатаго по-упру Бѣльскій явился къ Вольдемару распроенный какъ не лзя болѣе.

— » Что это значить?... Что съ побою сдѣлалось? « спросилъ у него молодой Смоляновъ со всѣмъ учаспиемъ дружескаго: » Ты не похожъ на самого себя!... Не уже-ли вчерашнія наши шалости изнурили тебя до такой степени? «

— » Ахъ, нѣтъ, Владиміръ!... Но если-бъ ты зналъ, что случилось... «

— » Боюсь догадываться.... Ты ужъ успѣлъ бѣшь у Якова Пенровича и получилъ отказъ. «

— » Напроривъ!... *Что касается на счетъ этаго, такъ хотя оно и сопряжено съ отсрокою, но впрочемъ я счастливъ почти сверхъ моего ожиданія.* «

— » Будпо?... И ты не прыгаешь отъ радости? «

— » Я ужъ напрыгался. «

— » Да какъ-же это ты умудрился обдѣлать все такъ скоро? «

— » Очень просно, брапецъ: по нашему — безъ всякихъ вычуръ.... Приѣхалъ къ спарику, объяснился съ нимъ: онъ хорошо принялъ мое предложеніе и пошчасъ-же пошелъ переговорить съ Александрой Яковлевной.... Твой дѣдушка большой чудакъ: заставилъ меня сидѣть на иглахъ бипыхъ полчаса и попомъ, воровившись, онъ спалъ говоришь о чемъ-то чрезвычайно проспранно.... Изъ всѣхъ его словъ, я понялъ наконецъ, что меня уважають, что дочь мою любятъ, и что согласны выдти за меня, но не раньше, какъ мѣсяца черезъ чепыре, а почему — не знаю! «

— » Такъ вдовушка-то *улыбнулась* не смопря на свои обьпы?... Экой счастливецъ!... Ну!... поздравляю шебя. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ удачи судя по ея поспипному личику и по ся словамъ, копорыя я слышалъ собспвенными ушами. «

— » Э, брапецъ! мало-ли что говорипся!... Только теперь не о помь рьчь... Эпо ужъ дьло рьшеное и объ немъ полковапъ нечего. «

— » Удивляюсь пвоему хладнокровію. «

— » Удивляйся себь сколько хочешь, а я такъ взбьшенъ, какъ чорпъ. «

— » Да располкуй пуптёмъ: я въдь не могу узнать Свяпымъ Духомъ! «

— » Вообрази себь, каковъ Иванъ Дмипріевичъ!... По сію пору я считалъ его человекомъ честпнымъ и задушевнымъ своимъ другомъ.... «

— » Ну? «

— » А онъ просто мерзавецъ, негодяй и подмецъ! «

— » Можепъ-ли эпо быпъ? «

— » Клянусь тебь какъ честпный и благородный человекъ! Дай мнѣ Богъ провалипся на эпомъ мѣспъ сквозь землю.... опсохни у меня языкъ.... будь я анаѰема прокляпъ, если я обманываю шебя! «

— » Сдѣлай милость переспань говорипъ такія ужасныя вещи: я и такъ тебь вѣрю... Но въ чемъ-же дьло? «

— » Повремени немножко, пы все узнаешь; на дняхъ я соберу свѣденія обо всѣхъ его, подлоспяхъ и тогда перескажу тебь.... Теперь еще не время и я заѣхалъ нарочно изъ одной дружбы, чтобы предостеречь шебя

на счетъ его сваповспва за Любовь Николаевну.... Сохрани ее Богъ отъ такой гадкой змѣи!»

— » Спасибо тебѣ за эту заботливостъ; только надобно сказать правду, что мнѣ чрезвычайно больно, если ты не ошибаешься на счетъ Арскаго. После эпизода прудно повѣришь кому-нибудь.»

— » И очень прудно! разумеется, кромѣ такихъ испытанныхъ людей, какъ я.... Однако-жъ прощай, мнѣ некогда.... Я долженъ похлопотать кое о какихъ дѣлникахъ.... Смолри! вѣрь мнѣ на мое честное слово и не забудь предостеречь свою сесприцу.... Я скоро объясню тебѣ все подробностями.... Прощай!»

Онъ пожалъ руку удивленнаго Вольдемара и скрылся въ ту-же минузу.

Принимая полное участие въ каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ моей испорци и желая облегчить по возможности почтеннѣйшаго Василья Пепровича, которнй обѣщался Вольдемару *объяснить все подробности* на счетъ Арскаго, я, имѣя подъ рукою самыя вѣрныя свѣденія объ этомъ разрывѣ двухъ старыхъ друзей, открое самъ моимъ читателямъ, что и какъ было.

Надобно воропиться нѣсколько назадъ.

Въ концѣ Ноября минувшаго года заглялась въ Т..... какая-то казенная поспавка, на значительную сумму.... Написали, какъ водится, самый аккуратный конспектъ; забрали справочныя цѣны; сообразились съ ними; сдѣлали сметы; разочли все до послѣдняго гвоздика; придумали все сред-

спва для соблюденій государственнаго интереса; списнули ихъ въ орѣховую скорлупу благоразумной инспрукціи; ассигновали деньги: оставалось только выбрать ревностнаго, опытнаго и благонадежнаго чиновника, которому было-бы можно поручить эту важную операцію.... Колебались долго, рѣшили дурно.... Иванъ Дмитриевичъ получилъ предписание, получилъ наличныя, отправился — и, должно признаться, что въ этомъ назначеніи очень много помогло ему ходатайство Бѣльскаго, котораго мѣзь изъ кожи спараясь за своего сердечнаго друга.

Нечего и говорить, что въ замѣну своей ревности онъ имѣлъ кляпвенное обѣщаніе о любовномъ раздѣлѣ невѣрныхъ барышей.

Присягнувши по обыкновенію различными прахами, господинъ Арскій поѣхалъ свершать блистательные подвиги... и, если угодно, по въ немъ которомъ смыслѣ онъ вполне оправдалъ избранныя имъ слова предписанія... *Съ отличною ревностію къ общественнымъ пользамъ занялся онъ приведеніемъ въ благонадежность своего состоянія, и наконецъ обдѣльивалъ свои дѣла со всею опытностію плула, по еспь масперски припрятывалъ концы.*

Впрочемъ я не слишкомъ обвиняю его въ этомъ дневномъ грабежѣ своего Правительспва; вѣдь говорятъ-же, что и старикъ Гомеръ дремалъ иногда, отъ чего-же такому маленькому теловѣку, каковъ Иванъ Дмитриевичъ, не ошибиться на счетъ иной спавши Полипической Экономіи и не при-

своишь себѣ нѣкотораго права уравнивать государственныя имуществва?

Какъ-бы то ни было, Арскій кончилъ закупъ съ *выгодой для казны*; получилъ за то официальную благодарность Начальства, которому не возможно было учинить его, и по приѣздѣ назадъ спалъ водить за носъ своего *восковаго* друга: (благо было за что водить!).

Бѣльскій пертъль, пертъль, наконецъ 2 Января, рѣшивши благополучно дѣло о своемъ сватовствѣ и увидѣвъ погда *вѣщую надобность въ денежныхъ сигурсахъ*, онъ отправился прямо къ Арскому и, оставя дружбу дружбой, попребовалъ свой пай, какъ бѣсъ купленную душу.

Напрасно представлялъ ему Иванъ Димпріевичъ, что онъ не воспользо-

вался ни копейкой; напрасно онъ говорилъ ему:

— »Развѣ ты не знаешь, мой милый другъ, что изъ семидесяти тысячъ, полученныхъ мною, у меня оспалось только семнадцать рублей, придесять двѣ копейки, и что я и тѣ представилъ куда слѣдуетъ.... Правда, я сберегъ отъ прогонныхъ денегъ рублей съ придесять: воптъ это я, пожалуй, раздѣлю съ побою пополамъ.«

Милый другъ не хотѣлъ ничего слышать!... Онъ кричалъ громче быка, что на его долю приходился до шестидесяти тысячъ, пребовалъ ихъ какъ законной собственности, выходилъ изъ себя, бѣсился, проклиналъ, упрашивалъ, грозилъ; но и Арскій былъ непреклоненъ въ свою очередь.... Онъ зналъ *тщету бѣснованія* своего друга — и былъ спокоенъ.... Наконецъ

ссора кончилась совершеннымъ разрывомъ и тогда уже Бѣльскій явился къ Вольдемару со своими предостереженіями.

Разумѣется, что въ то время онъ не могъ рассказать ничего, что-бы обвинить Ивана Дмитриевича. Ему надобно было имѣть время для выдумки, потому что правда ни сколько-бы не повредила Арскому: Поэтъ считалъ его самымъ честнымъ человекомъ и охотно-бы повѣрилъ его безкорыстности.... Сверхъ того Смоленъ никакъ не понималъ тогда весьма важной тайны, что для инаго дѣлать казенныя *поставки*, значить другими словами: *поставлять себя* въ возможность имѣть *кусокки хлеба*.... Я ужъ и не говорю о *ломтяхъ* и *цѣлыхъ краюхахъ*, которыми опрѣзываются такъ безсовѣстно и такъ

безбожно называются *кусокками*.... Это было-бы бездною премудрости и такимъ омуномъ мысларствъ, въ которомъ Вольдемаръ не разглядѣлъ бы ничего.

Василій Пепровичъ началъ свой день успѣхомъ въ любви и рѣшительнымъ неуспѣхомъ въ денежномъ приобрѣтеніи.... Дѣла Арскаго шли совершенно напропавъ.

Возвративши въ Казенную Палату семнадцать рублей, приданъ двѣ копейки, какъ образецъ удивляющаго безкорыстія, и по слабости человеческой оставивши себя только около двѣнадцати тысячъ, онъ пересмотрѣлъ всѣ свои счебты, всѣ кипро-составленные докуменнты и наконецъ увидѣлъ очень ясно, что ему не предстоить никакой надобности въ дружескомъ и полюбивномъ дѣлежѣ: такъ велика и

безошибочна была его благоразумная предумопрительность. Въ слѣдствіе такого убѣжденія, онъ, какъ мы видели, приказалъ на опрѣзъ своему *милостивому другу* и такимъ образомъ шкапулка его, недавно наполненная, оспалась неприкосновенною.

Окончивъ такъ масперски одно, Арскій, полный надеждъ на рекомендацію Вольдемара, опсправился къ Смоляновымъ въ слѣдъ за Васильемъ Петровичемъ.

Какъ человекъ домашній, онъ прошелъ прямо въ шу комнату, въ которой Любимька играла тогда на фортепьяно, заспалъ ее одну и, по смѣшной спрранности спеченія обспояпельспивъ, возобновилъ свои предложенія именно въ то время, когда Бѣльскій въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ ниспускалъ его до ада.

Смолянова, не смотря на новую неожиданность, выслушала его перпѣливо и наконецъ сказала ему очень вняпно:

— » Не уже-ли вы думаете, что я могу играть своими словами въ такомъ важномъ дѣлѣ?... Не уже-ли вы предполагаете, что приказавши вамъ разъ и навсегда, конечно ужъ не безъ причины, я могу переменить свою рѣшимость съ необдуманнымъ легкомысліемъ пятнадцати-лѣтней дѣвочки?... Мнѣ кажется даже, что соглашаясь на ваши насильствія предложенія, я была-бы должна потерпѣть въ вашихъ глазахъ чрезвычайно много.... Оспавьте-же это, и сдѣлайте милость — *навсегда*.... Надѣюсь, что вы исполните мою просьбу.... « Она помолчалась и была такава.

Можете себѣ представить невыгодное положеніе господина жениха.... Проспоявъ съ полминуты какъ вкопаный, онъ хотѣлъ было броситься въ комнату Вольдемара, самъ не зная за чѣмъ; но услышавъ тамъ голосъ Бѣльскаго и схвативъ на лету нѣсколько словъ, очень неприятныхъ для его самолюбія, Арскій остановился снова, смѣкнулъ въ одну секунду, что ему нечего больше дѣлать въ этомъ домѣ; попомъ прищурился; попомъ провелъ правою рукою во всю длину своего лба; попомъ махнулъ ею, какъ человѣкъ рѣшившійся вдругъ на что-то очень важное; попомъ съ улыбкою презрѣнія и какой-то неприятной радости, онъ вышелъ молча на крыльцо, сѣлъ въ сани, поѣхалъ — и черезъ часъ, посмѣиваясь опъ напряжнаго удовольствія, съ жалкимъ торжест-

вомъ человѣка безчестнаго, съ разными ядовитыми ироніями и намеками, однимъ словомъ, съ какимъ-то нелѣпымъ и гнуснымъ чванствомъ, онъ рассказывалъ вступчивому и поперечному о скорой своей свадьбѣ — съ Раисой Яковлевной Бениной....

Бѣдный Вольдемаръ!...

Какъ ты могъ переносить свое ужасное несчастіе?

Стратонъ, Царь Сидонскій, сверженный Александромъ Великимъ.

ГЛАВА XLV.

ОТЪЗДЪ.

РАЗГОВОРЪ.

Жанъ-Баръ!... Я васъ дѣлаю
Начальникомъ Эскадры.

Людовикъ XIV.

И вы очень хорошо дѣлаете,
Ваше Величество.

Жанъ-Баръ.

Добрый, просподушный Бенинъ не чувствовалъ себя оупъ полнопы своей сердечной радости; онъ не зналъ,

какъ ему благодарить Бога за такой счастливыи день... И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли бытъ благополучиѣе? — Просвапалъ вдругъ двухъ дочерей и за кого?... За солидныхъ и по своимъ лѣпамъ довольно почепныхъ чиновниковъ; за людей, копорыхъ всѣ называли прекраснѣйшими и благороднѣйшими; за людей имѣвшихъ, судя по Сибири, довольно хорошенъкое соспяннице и копорые, въ добавокъ, просили не безпокоишься о приданомъ....

Все семейство Бенина находилось въ эпомъ шумномъ, но пріапномъ смяпеніи, копорое бываетъ обыкновенно слѣдспвіемъ неожиданныхъ и радоспныхъ случаевъ... Всѣ ходили, суепились, спрашивали и не опвѣчали, плакали и смѣялись, дивились и

не надивилися, наконецъ замолкали или говорили всё вмѣстѣ....

Въ самый эпосъ развалъ явился Вольдемаръ, не зная ни сномъ ни духомъ о вѣтромъ свавоспѣвъ своего искрениѣйшаго друга.... Общую веселость, замѣченную имъ при входѣ въ комнату, приписалъ онъ успѣшному исканію Бѣльскаго; но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ сдѣланный ему приѣмъ?

Началось шѣмъ, что дамы, поклонившись ему довольно сухо, шапчасъ же ушли въ свою половину. Оспался одинъ Яковъ Пепровичъ, серьёзный—подобно Капону, молчаливый — какъ рыба, холодный — какъ ледъ.... Бѣдный Поэтъ на силу опомился отъ печальной нечаянности, на силу собрался съ духомъ, что - бы спросить

у Бенина о причинѣ такой ужасной перемены.

— » Удивляюсь вашему вопросу, Владиміръ Николаевичъ, « отвѣчалъ спарикъ, стараясь придавъ какъ можно болѣе пвердоспи своему голосу, дребезжащему отъ сильнаго волненія.... » Я, кажешся, держу себя опноносительно васъ точно такъ, какъ мнѣ слѣдуетъ, даже почтительнѣе, нежели я-бы могъ, а вы.... Но Богъ съ вами! «

Тутъ онъ оспановился и не сказалъ уже болѣе ни слова.

Сердце молодого человѣка сжалось до омертвенія; онъ не могъ ни понимать, ни говорить, ни мыслить; онъ не могъ даже спрадать: до такой степени эпосъ сухой и многозначущій отвѣтъ былъ для него сильнымъ, глубокимъ, убійственнымъ ударомъ....

Подозрѣніе о клеветѣ блеснуло въ его головѣ слишкомъ не ясно, что-бы начать свое защищеніе, и къ тому же, въ чемъ и пропивъ кого защищать себя?... Блѣдный, расперянный, смущенный, онъ, не помня ничего, очутился дома. Съ равнодушіемъ челоуѣка, приведеннаго несчастіемъ въ какую-то могильную безчувственностъ, узналъ онъ о послѣднемъ сватовствѣ Арскаго; пошелъ въ свою комнату; легъ; забылся и — пришелъ въ себя только черезъ двѣ недѣли.... Сильная нервная горячка едва не свела его въ гробъ, но молодостъ и сила взяли свое: счастливыи кризисъ болѣзни, былъ вмѣстѣ и счастливымъ кризисомъ любви.

Первая мысль его о Рансѣ не жгла ему сердца пожирающимъ пламенемъ опчаянія: это была тихая грусть

Поэта, изъ памяти котораго ускользнула любимая его мысль; это была кропкая печаль о невозвратной разлуцъ съ прелеснымъ, идеальнымъ призракомъ, которыи до того времени лелѣяло его воображеніе; это было соболѣзнованіе о сладкомъ, очаровательномъ снѣ, забытомъ въ минуцу пробужденія — и не болѣе.

Когда онъ открылъ глаза, онъ увидѣлъ, что вокругъ его постели спояли: опецъ, сеспра, Бѣльскій и докпоръ.... Онъ даже улыбнулся имъ, такъ была спокойна его душа.... Спарикъ Нѣколай Ивановичъ зналъ уже опъ Любиньки причину его болѣзни, и на случай выздоровленія придумалъ мѣры, что-бы разсѣять поску своего добраго сына.

Нѣкопорья Губерскія дѣла пребовали посылки въ Москву двухъ чи-

новниковъ, и великодушнѣ опца, жер-
пвуя собспвеннымъ удовольспвіемъ,
назначило Вольдемара и Бѣльскаго.

Избавленный сильными физическими
спраданіями опть спраданій нрав-
спвенныхъ, Вольдемаръ поправлялся
очень скоро, пакъ чпо въ концѣ Фе-
враля онъ уже несся на почповыхъ
вмѣсптъ съ восковымъ человѣкомъ по
дорогѣ въ Первопреспольную Споли-
цу.

Наканунѣ его оптѣзда, ему подбро-
сили слѣдующее безыменное письмо:

» Знаю, чпо вы сердипесь на Яко-
ва Пепровича; но онъ, какъ опецъ,
имѣсптъ полное право на ваше проще-
ніе, не смопря, чпо холодность его
къ вамъ кажется вовсе незаслужен-
ною. «

» На другой день послѣ Новаго Го-
да, въ одиннадцатомъ часу упра, ему

было пересказано, не знаю кѣмъ-то,
будпо вы въ кругу молодыхъ людей
пили Шампанскимъ здоровье Рансы
Яковлевны, называя ее *своею милень-
кою Рамнькою*, и при эптомъ сказали
довольно ясно, чпо она не спроста
бываетъ въ вашемъ домѣ пакъ часно,
и чпо вы наслаждаетесь ея слабо-
спью.... Огорченный спарикъ, имѣю-
щій честное имя единственнымъ до-
спояніемъ, передалъ мнѣ въ минупу
своиспвенной ему опкрѣзненности,
эпотъ слухъ съ сердечною гореспью. «

» Зная благородспво вашихъ пра-
виль, я защищаль васъ, но безъ успѣ-
ха: общій нашъ другъ пронунтъ за
самую живую спруну. «

» Спустия нѣсколько времени, прого-
ворившись немного болѣе, нежели хо-
птѣль, онъ утвердилъ меня въ догад-

какъ на счетъ клеветника. Не скажу вамъ объ немъ, попому чпо могу ошибаться; но убѣдительнѣйше прошу переменить дурныя мысли о почтенномъ спарикѣ: поставьте себя на его мѣсто — и попомъ уже судите о его холодноспии къ вамъ. «

» Вы уѣзжаете завтра въ Россію и мнѣ было-бы непріятно, если - бы человекъ, котораго я люблю, оспался несправедливымъ къ моему лучшему другу. Вотъ единственная побудительная причина эпаго письма.... Желаю вамъ счастья. «

Вольдемаръ, прочитавъ энтъ спроки, передалъ ихъ Бѣльскому, который также прочелъ въ свою очередь и наконецъ воскликнулъ:

— » Ну чпо, любезный!... Не правъ ли я?... Не уже-ли Арскій не подлець и послѣ эпаго?... Помнишь-ли, какъ

на другой день моихъ именинъ я хотѣлъ объяснить тебѣ всѣ подробности на счетъ Ивана Дмитриевича.... Я вѣдь и бѣсился-по онъ шого, чпо усмьшалаъ рано поутру 2-го числа, будпо онъ хочеть сваняться за Ранеу.... Да шакъ, не хотѣлось тебя огорчать.... Къ шому-же полагалъ еще, чпо эшо можетъ быть вздоръ.... полько, къ несчастію, я обманулся и пы самъ узналъ все шогда-же.... Намъ нечего сомнѣваться, чпо и эшо не его плушннн.... Чпо-жъ пы намѣрень дѣлать съ 'письмомъ?... Не уже-ли не проучишь порядкомъ мерзавца? «

— » Чпо-бы наказать, надобно его обличить, а онъ уже обрученъ пеперь съ Рансою; она его любитъ: Богъ съ ними! «

— » Ну, брапець, воля шволя, а пы преспранный человекъ, клянусь шебѣ

моею покойницею и Александрой Яковлевной. «

— » Спраненъ или нѣтъ, но я очень радъ, что это увѣдомленіе примирило меня съ моимъ названнымъ дѣдушкою: мнѣ было очень тяжело сердиться на него. «

Бѣльскій не опвѣчалъ ни слова.

Теперь, въ заключеніе этой части, послѣ нѣсколькихъ словъ, мнѣ хочется предложить моимъ милымъ чинапельницамъ и добрымъ чинапельцамъ одинъ довольно важный вопросъ, по крайней мѣрѣ для меня, потому что я не пріискалъ еще для него опвѣта.

Не заносясь слишкомъ высоко, до взгляда рѣшительно философическаго, я скажу просто: бываютъ люди,

которыя изъ выгодъ гошовой продашь своего опца: честныя называютъ ихъ *извергами*; бываютъ люди, которые носяся шуда, куда дуешь въперъ: прямодушныя называютъ ихъ *низкими*; бываютъ люди, которые не знаютъ, что счастье должно искашь въ себѣ самихъ, и считая это мудрое правило азбучной присказкой, ищутъ его въ женипбахъ по расчету: благоразумныя называютъ ихъ *глупцами*; бываютъ люди, которые кричатъ объ одномъ золошѣ, объ золошѣ, только объ золошѣ—и больше ни о чемъ: добрыя называютъ ихъ *безувственными эгоистами*... Нѣтъ спора: все это или глупо, или опврапительно, или подло, или ужасно, однакожь все шуть ешьць, свойшвенная всякому человѣку: собшвенная польза, хопя и преврапно поспигаемая. Но

какъ вы назовете того, которъй не любить дѣвушку, которъй почти увѣренъ, что онъ будетъ съ нею несчастливъ, и которъй женился на ней безъ всѣхъ существенныхъ выгодъ, за шѣмъ только, чтобы убить эпимъ своего друга, сестра котораго не вышла за него за мужъ?... Какъ вы назовете эпаго человѣка?...

Если вамъ удастся, чего я однакожъ не предполагаю, прискапъ приличный для него эпипеть, то вы можете поспавипъ оный передъ именемъ Ивана Дмипріевича Арскаго, которъй, посвапавшись за Рансу Бенину, сдѣлалъ ни дапъ ни взяпъ почно эпакую шпку... Впрочемъ, будетъ-ли какая-нибудь польза, если вы и отпрафипе въ названіи?... На - врядъ!... Оно вѣрно никогда не защекопипъ пріятнымъ образомъ ушей господина

Арскаго.... Сберегая свой самолюбивый слухъ, мы какъ-то всѣ не слишкомъ рѣчиспы къ осужденію другихъ въ глаза.... Вопъ за глаза — это наше дѣло!...

Всѣ говорятъ о глупцѣ, что онъ глупецъ; но никто не скажетъ эпаго ему прямо, и глупецъ умираетъ не узнавши, что онъ глупъ.

Ля - Брюйеръ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Главы.	стр.
XXXII. Мечпы.	5
XXXIII. Дружеское изліяніе.	16
XXXIV. Тигирецкая долина.	28
XXXV. Бѣдная Лиза!	49
XXXVI. Незмѣнная рѣшимость.	68
XXXVII. Бѣдный Вольдемаръ!	80
XXXVIII. Канунъ поржества.	101
XXXIX. Подарокъ.	115
XL. Балъ и балы.	129
XLI. Фигуры.	144
XLII. 5 мѣсяцовъ, 2 недѣли, 2 дня, 23 часа и 47 минутъ.	164
XLIII. Вакханалія.	189
XLIV. Машъ надеждамъ.	211
XLV. Опъѣздъ.	228

ПОЯСНЕНІЯ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

1. *Сопка*. Въ Сибири называютъ сопкою или отдѣльно стоящую гору, или шакую, копорая выше другихъ въ какомъ нибудь хребтѣ. Сопки Тигирецкой долины имѣютъ свою особенноснѣ. Онѣ почти всѣ правильно-конической формы, одѣпы мелкою зеленью и сверху каждой живописно набросаны груды камней.
2. *Левъ*. Огромная груда камней, лежащая на вершинѣ самой высокой горы изъ окружающихъ Тигирецкую долину.... Груда сія похожа издали, снизу, на лежащаго льва, по чему живели и называютъ всю гору: *Львиною сопкою*.
3. Большой и малой Тигирекъ, Воскресенка, Ионьшъ и рѣка Иня.
4. Въ Алтаѣ и Саянѣ зрѣніе обманывается чрезвычайно. Въ иныхъ мѣстахъ предме-

ны приближаются до невѣроятности, въ другихъ бываетъ оппическая спраннысть особаго рода.... На примѣръ, въ Енисейской Губерніи есть одно мѣсто: ѣдешь, кажется, подъ гору, а посмотришь назадъ, такъ покажется будто ѣхалъ въ гору.

5. Въ Сибири почти совершенно всѣ крестьянскіе дома раздѣляются обыкновенно на двѣ половины. Въ одной собственно изба, въ другой чистенькая комнапка, съ разпворчатыми стеклянными окнами, перегороденныя на двое. Она называется *светелкою*; въ ней-то бывають *вечёрки* и принимаются пріѣзжіе.
6. *Бухтарма* называется иначе *Плитняжною крепостью*.... Около нее есть на одной высокой горѣ плиты, на которыхъ видны отпечатки голой человѣческой ступни.